

ГЕРОИЧЕСКАЯ

ФАНТАСТИКА

ЦЕЛИТЕЛЬ

Новый путь

ВАЛЕРИЙ
БОЛЬШАКОВ

Героическая фантастика

Валерий Большаков

Целитель. Новый путь

«Махров»

2021

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Большаков В. П.

Целитель. Новый путь / В. П. Большаков — «Махров»,
2021 — (Героическая фантастика)

ISBN 978-5-04-121087-8

Минуло едва полтора года, как Михаил Гарин, пожилой инженер-айтишник, переселился в самого себя, юного Мишу. Он пишет программы, невиданные в 1975-м, и совершает открытия, делится послезнанием с Политбюро, бежит от ЦРУ и КГБ, переходя, когда надо, на сверхскорость, исцеляет больных, аки Христос... И Советский Союз потихоньку нащупывает новый путь, уходит с курса, ведущего к гибели. Вот только жизнь его спасителя простой и легкой не назовешь. Миша активно вмешивается в политику, создает первую в мире электронную почту, а по его следам идут убийцы... И тут, как назло, он теряет свои сверхспособности, становится как все! С одной стороны, хорошо – теперь у Миши нет особых примет. А с другой... Как справиться с профессиональными киллерами обычному старшекласнику? Как спастись самому – и спасти СССР?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-121087-8

© Большаков В. П., 2021
© Махров, 2021

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	22
Глава 3	35
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Валерий Большаков

Целитель. Новый путь

Особая благодарность за консультации и конструктивную критику Владимиру Пастухову

© Большаков В. П., 2021

© ООО «Издательство «Яуза», 2021

© ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Пролог

Суббота 27 сентября 1975 года, ночь

Первомайск, улица Дзержинского

С мглистого неба, всклокоченного неряшливыми тучами, накрапывал дождь. Шкодли-
вый ветер сквозил по улицам, выхватывая зонтики и швыряясь мокрым опадом. Самая подхо-
дящая погода для убийства.

– Направи нас, Господи, и помилуй... – Угрюмый темнолицый водитель с розовым шра-
мом на щеке нахохлился, отрешенно перебирая чётки.

Его глубоко запавшие глаза цвета пасмурной выси созерцали божий мир, словно выгля-
дывая из бойниц, – настороженно рыскали вдоль и поперек дворика, шарили по наружным
лестницам с точеными балясинами, обыскивали галереи, где на веревках никло белье.

– ...и жизнь вечную даруй на-ам! – зевая, договорил чернявый мужичок, ёрзавший на
переднем сиденье.

Темнолицый сжал зубы и затеребил чётки живее, погружаясь в бездумное ожидание.

Однозвучно скрипят дворники, обмахивая ветровое стекло... Ровно урчит движок, ино-
гда сбиваясь, словно мучимый тахикардией... Багряный кленовый лист с маху налипает на
бледно-голубой капот «Жигулей»...

Внезапно сучковатые пальцы, размеренно оглаживавшие бусины, замерли – в приоткры-
тое окошко накатил дробный лестничный гул, выбитый резвыми ногами.

Рослый светловолосый крепыш в джинсовом костюме ссыпался по ступенькам и юркнул
в зеленый пикап – с дизайнерской решетки радиатора блеснула синим «ижевская» эмблема.

– Он вроде? – ждуще встрепенулся чернявый, хватаясь за «смит-вессон».

– Он, – буркнул водитель и резко осадил суетливого напарника: – Не здесь!

– А где?

– Где надо!

Темнолицый, пальцем оглаживая шрам, неотрывно следил за джинсовым молодчиком.
Вскоре «Иж» газанул и мягко тронулся – было видно, как с темных узорчатых шин спадают
налипшие корочки грязи.

– За ним! – хищно ощерился чернявый. Барабан револьвера вкрадчиво щелкнул, отки-
дываясь на ладонь. – Быстрее, а то упустим!

Водитель «Жигулей» молча вырулил под арку, бодая бампером сырые потемки, и увя-
зался за зеленой машиной.

– Когда крикну: «Давай!», поравняешься с ним, окно в окно, – быстро проговорил стре-
лок, запихивая в каморы тупоносые патроны. – Сразу после акции – гари!

Человек за рулем сумрачно кивнул, перекосив лицо.

Туманившиеся моросью улицы держали его в напряжении, и только «Глухой мост» дал
отдых нервам – за пролетами из грубого бетона теснились разлапистые опоры, обвисшими
проводами затягивая небесную хмарь, извивались шипящие трубы, тяжело приседали железно-
дорожные мосты. Промзона.

Пикап, бодро катившийся впереди, вырисовывался четко, как в оптическом прицеле.

– Давай!

Блёкло-голубой «жигуль», дисциплинированно мигая поворотниками, пошел на обгон.

– Ну же, ну... – Чернявый кусал губы от греховного нетерпения.

Егозливо закрутив ручку, он опустил стекло, исписанное косыми росчерками дождя, – в
салон дунуло свежестью, занесло, закружило бисеринки небесной влаги.

Шершавая ладонь согрела рубчатую рукоятку «магнума», большой палец привычно взвел
курок. Пора!

Курносый профиль за боковым окном пикапа стыл в последнем замешательстве. Грохнул выстрел.

Пуля сорок четвертого калибра вынесла стекло и погасила юный облик...

Я вскинулся на постели, часто дыша. Сердце мячиком прыгало в груди. Дрожащие пальцы отерли потный лоб.

«Ох... Кошмар какой-то... – Мой рот перетянуло жалкой растерянной усмешкой. – Ага... И не надейся! Ничего тебе не приснилось!»

Я шумно выдохнул. Не сон это был, не сон... Сновидение всегда расплывчато и смутно, а тут... Как будто взаправду развалился на заднем сиденье тех самых «Жигулей» и смотришь кино с собой в главной роли. Блондинистый крепыш – это же я!

Мысли мельтешили, запутывая сознание. Вангую?..

– Чтоб ты еще придумал... – Натянуто, с дозвоном в голосе, заворчал, сползая на ковер. – Двадцать раз отжаться! На пальцах! И планочку...

Вдоволь утомив плоть, я смирил разгулявшийся дух и босиком прошлепал к окну. Город спал, погруженный в синюю тьму. По мокрому асфальту расходились круги света уличных фонарей, тусклого и маслянистого. Облачная муть застила звезды, а вот с солнцем этот номер не проходил – небо за Южным Бугом начинало сереть, обещая дивную зарю.

Сонно моргая, я смотрел на восток. Оттуда, просыпая секунды, роняя минуты, накатывал новый день, наступало будущее. Не удержавшись на мелкой волне пафоса, я длинно зевнул. Часа два до подъёма у меня точно есть...

Глава 1

Воскресенье 28 сентября 1975 года, позднее утро

Первомайск, улица Революции

Клац-клац, шелк-шелк! Дррр...

Черные клавиши «Ундервуда» мягко проваливаются под моими пальцами. Чутко дергаются катушки, перематывая красящую ленту. Серебристые рычажки бойко хлещут по бумаге, вколачивая текст.

«Аркадий Шевченко, посол и зам Генсека ООН, с текущего года – агент ЦРУ «Динамит». Особо опасен для СССР! Держит американцев в курсе обо всем, что ему известно о происходящем в Кремле. Осведомляет о советской позиции на переговорах по разоружению. Передает экономическую информацию по нефтедобыче в Союзе...»

Клац-клац, шелк-шелк!

Ноют подушечки пальцев, дрожь перехватывает нутро, но кривоватая усмешечка то и дело дергает мои губы. Сегодня у меня торжественный момент – я выдал КГБ всех предателей, «кротов» и шпионов, даже Адольфа Толкачева заложил, будущего агента «Сферу»¹. Вычистил до блеска, до стерильного сияния зловонную выгребную яму. Осталось пару пятнышек подтереть...

«Альгирдаса и Пранаса Бразинскасов² турки освободили по амнистии в прошлом году, сейчас оба ублюдка находятся в Стамбуле. Летом 1976-го их доставят из Анкары в Каракас, а к началу сентября спецслужбы Венесуэлы переправят парочку в Нью-Йорк. Бразинскасы разживутся новыми документами, став семейкой Уайтов, после чего поселятся в Санта-Монике, Калифорния...»

Клац-клац, шелк-шелк! Дррр... Дррр...

Бумага скручивается с барабана, ложится в скудную стопку распечаток, крапчатых от букв и цифр. Осторожно заправляю новый лист – чистый, пустой, немой.

«Верный троцкист Хрущев виновен в бесконтрольной натурализации «возвращенцев» из ОУН-УПА, в смычке националистов с партгосаппаратом. Бандеровцы засели в обкомах и министерствах УССР, совершенно безнаказанно ведя подрывную деятельность, разваливая Советский Союз изнутри. Если националистский беспредел не пресечь, на Украине сбросят красные знамена и поднимут желто-голубые...»

Клац-клац, шелк-шелк! Дррр... Дзынь!

Вздрагивающая каретка докатывается до края, злорадно звеня: «Раз-зьява!» Да ладно, подумаешь – вышел за поля... Кончил же!

Всё теперь. Ближайшая операция запланирована аж на декабрь, а пока можно и наукой заняться, личную жизнь устроить.

Я нервно потер пальцы – и замер, холодея. Показалось мне или и вправду брякнули в дверь? Не дыша, не шевелясь, я напрягал слух, чуя, как вспугнутое сердце заходится в биеньи.

Послышалось, наверное... Или дворовые футболисты мяч пасанули.

«Засвечен гараж, постоянно сюда таскаюсь! – мелькает в голове. – Дождусь, что чекистов на хвосте приведу, буде «мышка-наружка» вцепится... А оно мне надо?»

Хорохорясь, выжимаю вслух:

¹ С 1979 года передавал на Запад сверхсекретные разработки в области авионики и стелс-технологии, данные о РЛС ПВО, о работе системы «свой – чужой» и пр. По словам Олдрича Эймса, агента КГБ в Лэнгли, «начнись мировая война, в воздухе НАТО имела бы неоспоримое преимущество».

² Сын и отец, совершившие в 1970 году первый успешный угон советского самолета. Захватив «Ан-24», они взяли в заложники 44 пассажира, ранили пилотов и убили молодую стюардессу Надю Курченко.

– Ага, а еще я школу засветил, пропадаю там по шесть дней в неделю! – Горло пробрало хрипотцой. – Из дома по ночам не вылезаю...

В дверь заколотили. Я взвился с табуретки и ломким шагом, на цыпочках, просеменил к выходу. Бухавший пульс звенел в голове, пустой, как выеденная банка шпрот.

«Что делать?! Не открывать?! – восклицаю про себя. – И сколько тогда высиживать? До ночи? Или до утра? Ага... А потом выйти – и нарваться на пост наблюдения! Спокойней, спокойней, не дрожи... Гараж не обыскивали – все контрольки на месте...»

Чуть было не ляпнув: «Кто там?», я обреченно сдвинул грюкнувший засов, чувствуя на запястьях холодную цепкость наручников.

У ворот гаража топтались двое мужчин пролетарского обличья, оба в изгвазданных спецовках. Тот, что повыше, с румяным лицом Емели-дурачка, тщательно, как хирург, вытирал руки пучком ветоши, а его упитанный товарищ озабоченно листал замусоленную тетрадку, щурясь от дыма «беломорины», прикушенной в уголку рта. За ухом у него торчала шариковая ручка, красная с белым.

Неверуя узнавая Кузьмича, председателя гаражного кооператива, я обморочно припал к воротам.

– А дядь Вова где? – добродушно выцедил пролетарий, зажимая папиросу желтыми зубами. – К-хм...

– Я за него... – слабо толкнулось от меня.

Кузьмич кивнул, жадно вбирая остаток вонючего синего дыма. Затушив окурочек, он раскрыл свой тощий грессбук.

– Сдаем на новый столб, по пятерке с бокса, – деловито проинформировал меня председатель, водя пальцем по списку. – Старый прогнил, того и гляди завалится. К-хм!

Я безропотно расстался с синенькой бумажкой. Кузьмич одобрительно кивнул, выудил из-за уха ручку и дал мне расписаться в тетрадке, где в столбик пыжились закорючки соседей по гаражу.

– Кто там еще? – поинтересовался Емеля-дурачок, заглядывая председателю через плечо.

– «Санька-Ванька», кразист наш... Пошли скорее, а то ему на смену.

Оставшись один, я уже не запирался – распахнул ворота бокса настежь. Пускай страхи выветрятся...

Тот же день, позже

Рим, проспект Бруно Буонци

– Хорошо устроились ребята, – лениво молвил Аглауко Мути, глядя на роскошные особняки, теснившиеся вдоль пустынного проспекта. Каннелированные мраморные колонны, пышные лестницы, уставленные статуями, узорные кованые решетки... Торговый ряд на ярмарке тщеславия.

Томаш Платек, осторожно вырuling на старенькой «Джульетте»³, покосился в сторону чернявого итальянца. Мути стал ему напарником года три назад и не раз выручал в сложные моменты, хотя люди они разного круга. Аглауко – простая душа, а вот он по-прежнему мучается с нажитым балластом потомственного варшавяка-интеллигента, вечно рефлексирова да комплексуя. Но есть и то, что связывает их с Мути крепче любого родства, – вера. Они оба ищут и находят Бога в мирских мелочах повседневной жизни.

– Красиво-о... – Длинно зевнул итальянец, потягиваясь. Его тонкие запястья выпростались из рукавов дешевого пиджака – контрастно сверкнули золотые запонки.

Платек насупил брови. «Альфа-Ромео» катился вдоль строя раскидистых платанов – их тени полосатили ветровое стекло, засты отблески с озера Альбано.

³ Модель «Альфа-Ромео» выпуска 1961 года.

– Подъезжаем, – кинул Томаш, неодобрительно поглядывая на виллу Тревере, что завиднелась впереди, – огромный богатый дом, облюбованный «Опус Деи».

– Пошли? – кисло спросил он, выехав на стоянку в тени колоннад.

– Пошли! – Аглауко с ленцой вылез из машины и небрежно захлопнул дверцу. – Интересно... – протянул он. – Куда на этот раз?

– Скажут, – обронил Томаш, неторопливо одолевая парадную лестницу. Старый хлопотливый привратник ласково закивал гостям.

– Проходите в малую приемную, шеньор Мути, – прошамкал он. – Отец Хавьер скоро будет.

«Шеньор Мути» обернулся и хлопнул напарника по плечу.

– Погуляй! – сказал он со скользящей улыбкой.

– Помолюсь, – буркнул Платек.

Итальянец кивнул и уверенно зашагал высоким, светлым коридором, чьи стены были увешаны полотнами Караваджо, Серадине и Фетти, а в нишах хоронились бюсты цезарей. Затеяливая мозаика пола, блестевшая мутным зеркалом, отразила Аглауко, перевернутого вниз головой. Томаш незаметно потер каменные плитки ногой – да нет, не скользят. И двинулся к часовенке, стыдливо усмехаясь: как деревенщина, ей-богу...

Часовня Божией Матери – Звезды Восточной⁴ укрыла его теплой, затхлой полутьмой. Огоньки свечей мерцали, бросая дрожащий отсвет на закопченные лики святых, спасая и сохраняя.

Платек радостно вздохнул, ощущая легчайший прилив ниспосланной благодати. Смежив веки и перебирая круглые холодные бусины четок, он зашептал короткую молитву:

– Иисус, Мария и Иосиф, я отдаю вам сердце и душу...

Стояла тишина, как в глубокой пещере. Вечность, парившая под неразличимыми сводами часовни, внимала горячему, сбивчивому шепоту – и скупое оделяла душевным покоем.

Просветленный, Томаш выбрался на свежий воздух – по коридору гуляли сквозняки, остужая мистический жар. Бездумно водя взглядом по неказистым, топорным византийским статуям из порфира, похожего на окаменевший гречишный мед, Платек забрел в Изумрудную гостиную.

Полы в обширной комнате сверкали зеленым пиренейским мрамором, преломляясь в настенных зеркалах, а камин был отделан малахитом с Урала – яркого, сочного цвета молодой травы. Тяжелые шторы в тон отделке заслоняли складками узкие стрельчатые окна – за ними виднелись дальний склон холма, курчавый от зарослей, да терракотовые башни и купола Капель-Гандольфо на фоне синего неба.

В зазеркалье мелькнуло темное, вечно недовольное лицо с розовым шрамом на щеке. Брезгливо морща нос, Томаш отвернулся к окну, лишь бы не видеть отражения.

Неуклюже пришатнувшись, он задел штору, и та скользнула по спине, заботливо скрывая гостя. Поляк слабо улыбнулся, следуя за ассоциацией. На ум пришли давние детские шалости. Малышом он ходил с дедом в костёл – и смертельно скучал, выслушивая нудную латынь. Чтобы не заснуть, маленький Томек играл в жмурки, прячась за пыльными портьерами из жесткой парчи...

Лишь теперь далекие голоса проникли в сознание. Выныривая из «омута памяти», Платек обернулся, путаясь в шторе. В гостиную вошел сам Альваро дель Портильо. Томаш чуть не пересекся глазами с зорким, внимательным взглядом генерального председателя «Опус Деи».

⁴ В 1955 году Хосемария Эскрива де Балагер, основатель «Опус Деи», сложил краткую молитву: Sancta Maria, Stella Orientis, filios tuos adjuva! («Святая Мария, Звезда Восточная, помоги детям твоим!») – Божией Матери: Звезде Восточной он «доверил» народы России и Восточной Европы.

Строгая черная сутана с крылаткой, затянутая вишневого цвета кушаком, придавала отцу Альваро вид доброго, но требовательного духовника.

– Не совсем понимаю, ваше высокопреосвященство, – заговорил дель Портильо кротким, но сильным голосом, – почему этот знахарь из России... Мика, кажется? Почему он так беспокоит вас? Неужто дар исцелять хворых и увечных несет в себе сатанинское начало?

В дверях показался Кароль Войтыла, польский кардинал, отражая в зеркалах алую сутану. Платеку даже померещилось, что по стенам гостиной полыхнуло угрюмым пламенем. Он дернулся, готовясь смиренно выйти, испросить прощения и удалиться, но что о нем подумают, за кого примут?! И Томаш замер, едва дыша, изнывая от жуткого срама и томительной боязни.

– Не то плохо, что русский целитель якобы способен творить чудеса. – Его высокопреосвященство небрежно повел рукой, будто отметаая чужие сомнения. – Иное худо – Мика наделен воистину дьявольским умением прозревать сущее. В этом и заключается опасность, исходящая от него, – и величайшая угроза!

Войтыла затряс головой, прикрытой алой шапочкой-дзуккетой, словно утратив вторую сигнальную от праведного гнева, и Альваро тут же воспользовался паузой.

– Обойдемся без церемоний, – мягко сказал он, усаживаясь в кресло, обитое светлой тканью в изумрудную полоску. Кардинал, недовольно хмурясь, занял диванчик, гнувший золоченые ножки напротив. – Для достойного разрешения ваших трудностей я призвал двух человек, надежных и стойких в вере, – вкрадчиво зажурчал генеральный председатель. – Они не простые нумерарии⁵, они – солдаты Господа.

Страдая в нелепой ловушке, Томаш стиснул зубы. «Аве, Мария, – металось в голове, – Аве, Мария...»

– У меня такое ощущение, – хитро прищурился Войтыла, – что ваша откровенность как бы намекает на ответную прямоту.

Дель Портильо потупил глаза, аки монашка-скромница, и кардинал величественно кивнул.

– Я вовсе не зря обратился именно к вам, – начал он, откидываясь на спинку. – Вы как раз тот человек, который способен помочь в тайном и важном деле. А когда я стану понтификом, то посодействую уже вам – присвою «Опус Деи» статус Персональной прелатуры⁶.

Томаш вытаращил глаза, изо всех сил сжимая губы, чтобы не охнуть, да и Альваро растерялся – к вящему довольству пана Войтылы.

– Что, поразил? – хмыкнул кардинал, лукаво шурясь.

– Да нет... почему же... – промямлил генеральный председатель. – Наоборот, я удивился бы, не замечая за вами особого желания выйти в наместники Петра. Хотя поляку будет несравненно труднее, чем прочим. За четыре с лишним века вы станете вторым папой, не рожденным в Италии.

Войтыла замаслился довольной улыбкой, уловив мимолетную лесть, а Томашу показалось, что его высокопреосвященство, делясь секретами, тешил гордыню.

– Всё куда сложнее и опасней, – понизил кардинал свой глуховатый и неприятный голос. – Добиться понтификата мне помогут весьма влиятельные силы, и начнут они, думаю, годика через два или три – земная жизнь нынешнего папы вряд ли продлится дольше. Со значимыми фигурами поведут тайные переговоры, мелких просто подкупят... Ах, да что там рассказывать! В тайны Апостольского дворца вы посвящены не хуже меня. Просто... – Он задумался, собирая морщины на лбу. – О-хо-хо-хо... Дело ведь вовсе не в кардинале из Кракова и его честоло-

⁵ Пятая часть членов «Опус Деи» – нумерарии. Это миряне, принявшие три обета – послушания, безбрачия и бедности. Их цель – обрести святость в обычной жизни.

⁶ Кароль Юзеф Войтыла, заняв папский трон, сдержал свое обещание в 1982 году. Организация «Опус Деи», считавшаяся с 1950 года «секулярным институтом», стала Персональной прелатурой Католической Церкви.

бивых замашках. Те силы, о которых я упоминал, желают большего – освободить всех поляков от советского ига! Устроить Польше, так сказать, побег из социалистического лагеря! По их наущению забастуют обозленные рабочие, крикливое студенчество выйдет на улицы, начнется смута, а польский папа благословит сей крестовый поход против коммунистов-безбожников, и молитва «Ангелус» возобладает над «Интернационалом»! Но! – Выдержав театральную паузу, его высокопреосвященство тягуче, со сдержанной яростью договорил: – Но если в то самое время Миха прознает о секретах моей интронизации и операции «Полония»... Боюсь, ничего не свершится.

– Свершится! – резко парировал Альваро, вставая. – А Мику... Мои нумерарии отправят его туда, откуда он и взялся, – в ад!

Кардинал склонил голову в показном смирении:

– Да будет так.

Понедельник 29 сентября 1975 года, утро

Рим, площадь Читта Леонина

– Всё, Мазуччо⁷, – Аглауко Мути заворочался на заднем сиденье. – Завтра вылетаем!

– Быстро ты. – Томаш Платек сумрачно глянул в зеркальце. – А сейчас куда?

– В инквизицию! – развязно хохотнул итальянец. – Навестим кардинала-префекта⁸.

Томаш насупился. Его всегда коробил недостаток почтения к церкви, а напарник бывал просто несносен. Аглауко словно стеснялся своей искренней и горячей веры, оттого и грубил порой, опрощая великое.

Платек покосился на Мути. Одиночка по натуре, Томаш не доверял никому. Поэтому откровенность между ним и Аглауко была односторонней, как лист Мёбиуса, – Мути выкладывал ему всё, как на исповеди, просто наизнанку выворачивался, а вот он таился. Подслушанный давеча разговор накрепко отложился в его памяти, однако делиться секретами с напарником Платек даже не собирался. Пускай амебы с инфузориями делятся...

– В Ватикан? – обронил он.

– Не, на Читта Лео-онина, – протяжно зевнул Аглауко, чмокнув губами. – Монсеньор примет нас у себя дома!

Томаш молча кивнул, сворачивая на Кончилиацоне. Он нарочно не расспрашивал Мути, зная, что порывистый южанин сам изведется, не выложив ему все подробности. Вон как губёшки сжал... На лице знакомое загадочное выражение, а на лбу будто написано: «Ух, что я знаю!» Ну, пусть помается...

Резиденция кардиналов на площади Читта Леонина крепко сидела прямо под боком у Ватикана – из окон квартир их высокопреосвященств открывался роскошный вид на колоннаду Бернини и купол Святого Петра.

Дюжие и невозмутимые швейцарцы-охранники тщательно изучили бумаги нумерариев и проводили их в покои Франьо Шепера, нынешнего кардинала-префекта Священной Конгрегации Доктрины Веры.

Шагая гулким и прохладным коридором, Томаш то и дело распускал рот в кривой ухмылке.

Воистину, Ватикан – это Мекка лицемеров. Даже банк Святого Престола, распухший от золота, именуется Институтом Религиозных Дел! А чтобы не тянуло смрадом аутодафе из прошлых веков, у инквизиторов отняли «Молот ведьм» и переделали в белое, назначив защит-

⁷ Мазуччо – уменьшительное от Томаззо.

⁸ Кардинал-префект возглавляет Священную Конгрегацию Доктрины Веры, как в XX веке стали политкорректно именовать Верховную Священную Конгрегацию Римской и Вселенской Инквизиции. В 1970-е годы кардиналом-префектом являлся Франьо Шепер.

никами веры. Но и тут просвечивает вранье, ибо ведомство Шепера занимается разведкой да контрразведкой. Вот только упоминать об этом все доброму католику не подобает...

– Сюда. – Охранник отпер высокую дверь из полированного ореха. – Его высокопреосвященство ожидает вас.

Нумерарии одинаково кивнули, ступая в ногу на сияющий паркет. Обстановку квартиры отличала изысканность, но в меру – тяжелая основательная мебель создавала строгий уют, более приличествующий жилищу деревенского священника, чем кардинальской резиденции. Ароматы по квартире расплывались самые благочестивые – пахло ладаном и горячим воском.

Шепер возник неожиданно, как алый сполох в суровом полумраке. Ступал кардинал-префект бесшумно, лишь легчайший шелест сутаны выдавал его присутствие.

– Добрый день, монсеньор, – церемонно поклонился Аглауко.

– Здравствуйте, чада мои. – В ласковом голосе Шепера чувствовался легкий венгерский акцент.

Круглолицый и ушастый, кардинал-префект производил несерьезное впечатление – до той поры, пока вы не заглянете в глаза его высокопреосвященства, в веселенькие глазки селянина-хитрована. И не напоретесь на пронизывающий, умный и холодный взгляд.

Жестом указав на резной деревянный диванчик, Шепер обосновался в скрипнувшем кресле, заботливо расправив складки огненосного одеяния.

– Чада мои, – заговорил он тоном библейского патриарха. – Хочу повиниться перед вами, ибо досадная задержка – мое упущение. Последние сведения о враге церкви, которого и в Москве, и в Вашингтоне, и в Тель-Авиве зовут «Михой», поступили ко мне лишь вчера, за пять минут до полуночи. Но, прежде чем я изложу их, ответьте, как вы надеетесь совершить то, что не удалось самым могущественным разведкам мира? Как вы собираетесь найти «Миху»?

Аглауко наклонился и по-приятельски шлепнул Томаша по круглой коленке.

– Мазуччо почувствует его, монсеньор! – гордо доложил он, как будто хвалясь способностями товарища. – Пару лет назад нас послали на Филиппины, в Багио. Там мы должны были встретиться с местным врачом-хилером, ревностным католиком. Так Мазуччо за две мили учуял целителя! А все потому, что он и сам такой. Да-а! – зажмурился Мути. – Однажды мне прострелили живот, так Мазуччо и дырку залатал, и утробу вылечил!

Платек закаменел лицом, и Шепер углядел перемену.

– Вы – Томаш, верно? – мягко сказал он.

– Да, ваше высокопреосвященство, – пробормотал поляк, опуская глаза.

– И вы сильно переживаете из-за своих чудесных способностей?

– Мое самое сильное желание – избавиться от них однажды, раз и навсегда! – вырвалось у Томаша. – Больше всего на свете я хочу быть как все, а не носить в себе непонятные и непрошенные потенции.

Вяло удивившись, он ощутил, что ему полегчало. «Будто нарыв вскрыл», – мелькнуло в мыслях.

– Понимаю вас, Томаш, – сочувственно кивнул кардинал. – Признаться, меня даже радует ваше отношение к своему целительству. Вот если бы вы гордились тем, на что способны, да впадали бы во грех похвальбы, у меня поневоле закопошились бы мыслишки о дьявольской природе вашего таланта. Но раз вы страдаете от него, впору думать о божьем промысле. Умения ваши – ваш крест.

Платек недоверчиво глянул на него:

– Вы действительно так думаете?

– Мои люди собрали о вас всё, что возможно узнать о смертном. – Шепер усмехнулся с долей превосходства. – Я всего лишь сделал надлежащие выводы. Но к делу. Коли вы способны ощутить присутствие «Михи» в радиусе двух миль, это всё упрощает. Теперь я верю, что миссия ваша выполнима, а враг будет уничтожен! Слушайте внимательно...

Томаш наклонился, делая вид, что внимает кардиналу, а сам в это время горячо молился – впервые за долгие годы перед ним забрезжила крошечная надежда на избавление от тягостного дара целителя. Он плохо понимал, откуда вдруг проросла эта зыбкая уверенность, но его мозг бывал и вещим...

Слова «Украина», «Первомайск», «Миха» наплывали невидимыми облачками и таяли, а в голове у Платека билась ликующая мольба: «Избави меня, Богородица! Избави меня, Иосиф! Избави, Иисус!»

**Вторник 30 сентября 1975 года, день
Первомайский район, Каменный Мост**

Осень звенела стеклянной струной, тускнея в ля-миноре. Летучие паутинки щекоотно касались лица, вясь, как июльский пух, и я жмурился, млея на солнце – «бабье лето» дочерывало остатки теплыни.

Иные тополя обдало желтизной – они проглядывали рыжими прядями в пышной шевелюре лесополосы, зеленевшей по-летнему. Деревья стыдливо оттягивали неизбежный листопад, а то задуют ветра студёные, разденут донага, и будешь коченеть, скорбно воздевая голые ветви...

«Ну, все, все, – подумал я, теряя терпение, – хватит унылой порой любоваться. Комай давай!»

Крякнув, я энергично нажал заступом, поддевая здоровенную морковь, отъевшуюся за лето, – оранжевая маковка с увядшей ботвой выглядывала из разворошенной грядки, словно не уместаясь в недрах сочного чернозема. Уродился овощ! Второй мешок набиваю.

Я устало выпрямился, разминая ноющую спину. Настя в безразмерной вылинявшей кофте и в старых трениках, дырявых от искр, пыхла у изгороди, сражаясь со свеклой. Какое-то нашествие корнеплодов.

– Та-ак... – закряхтела сестренка, опускаясь на корточки. – Ну, вот куда столько бурячка? Как понаса-а... дят!

Отпустив последний слог, она пошатнулась, обеими руками выдирая огромную свеклину.

– Шо нэ зым, то понадкусываю! – выдал я, шуткуя. Настя хихикнула, а соседские куры, будто не уловив юмора, всполошились, завохтали. Великолепный красно-бурый петух, шикарный, как павлин, взлетел на забор, сотрясая беленый штакетник.

– А ну, кыш отсюда, бульон! – грозно крикнула сестричка, швырнув мелкую свеколку в нарушителя границы. Залётный певень не снес грубого обращения – свалился с оградки, истошно кудахча.

– Как ты могла! – фыкнул я. – Его теперь куры любить не будут.

– Так ему и надо! – мстительно сказала сестренка.

По узкой, заросшей травой улочке с набитой колеей проехал, громыхая расхлябанными бортами, «газон» Мыколы Ляхова. Водила посигналил мне, и я, вздрогнув, поспешно вскинул руку в ответном жесте.

Суэта творилась по всему поселку – дачники собирали последний урожай. Сады клубились лиственными облаками, и в этой увядавшей, но все еще пышной, глянцевиной зелени плавали крыши, подобные днищам кораблей, опрокинувшихся вверх килем. С перелопаченных делян доносились неразборчивые голоса и зовы. В дальней стороне наигрывало радио, передавая концерт по заявкам, а кто-то уже и сам запевал, выводя тягучие хохляцкие рулады. Пахло увядшей травой и дымом – белесые шлейфы от костров восходили наискосок, тая в пронзительно синем небе.

– Долго еще? – заныла Настя.

– Да ты отдыхай, – спохватился я. – Хватит уже.

Зверски скручивая вялые гриновые хвостики, будто скальпы снимая с морковок, я набрал полный мешок. Чертова пастораль...

У меня, между прочим, день рождения! Двойной даже – семнадцать стукнуло моему юному организму, а зрелому и перезрелому «Я» шестьдесят второй пошел. Хотя... как тут разделишь? У престарелой личности сложился странный, мне самому непонятный симбиоз с отроческим телом, куда она переселилась – я сплотился с «реципиентом» в причудливую химеру. Рассуждаю, как опытный, выдавший виды мужчина, и влюбляюсь, как мальчик!

По привычке обшарив глазами улочку, глянув на другую сторону, где за крошечным вишневым садиком прятался пустырь, заросший могучим бурьяном, я вздохнул.

«И нет нам покоя – гори, но живи...»

– Настя, отдохни! – выбил вслух, завязывая мешок.

– О-ох... – Скривилась сестричка, хватаясь за поясницу, и сказала жалобно: – Лучше бы мы днюху твою отмечали!

– Какая днюха, чучелко? – Мефистофельская ухмылка изломила мои губы. – «Наполеона» ж нету.

– За два дня слопали! – рассмеялась Настя. Тут треснул сучок, сгорая в костре, и она всполошилась: – Так, борщик переварится!

– Всё под контролем, – заверил я, снимая крышку с подкопченного котелка. – Фасолька доходит, сейчас мы капусточки... И картошечки... – Смахнув с изрезанной разделочной доски ингредиенты, решительно объявил: – У меня перерыл!

– «Новости» опять? – Сестренка упруго потянулась, и я отвел глаза.

– А як же! – иногда в моей речи тоже проскальзывал суржик.

Летний «теремок» мы сколотили с краю участка, под раскидистой шелковицей – обшили досками и выкрасили зеленой краской, как домик Карлсона.

Потопав по гулкому крылечку, чтобы стряхнуть грязь, налипшую на ботинки, я прошел в единственную комнату. Дачный стандарт: между дверью и запрещенной печкой важно расплылся пухлый диван; к стене без сил привалился старый покосившийся шкаф, а скромный столик, застеленный клеенкой с подпалинами, жался к окну. Из бэушного интерьера выбивался стильный комбайн «Беларусь» – сверху проигрыватель, снизу черно-белый телик и приемник сбоку.

Лишь только я включил это чудо техники, как трансформатор злобно загудел – рука сама метнулась, подкрутила черную эбонитовую ручку, выводя вздрагивавшую стрелку на безопасные 220.

Разогревшись, телерадиола заговорила проникновенным голосом Игоря Кириллова:

– ...Рассматривая проблемы социалистической интеграции на вчерашнем заседании Комитета СЭВ по реформам, товарищ Эрих Хонеккер заявил, что до сих пор игнорируется такой важный резерв повышения экономической эффективности, как международное разделение труда. А ведь ГДР за годы народной власти достигла впечатляющих успехов в развитии машиностроения. Достаточно вспомнить, что еще в пятьдесят восьмом году Дрезденский авиационный завод выпустил турбореактивный «Бааде-152», пассажирский самолет собственной конструкции...

На экране Хонеккер, блестя залысинами, вдохновенно вещал с трибуны. Пожалуй, лидер ГДР, да еще Густав Гусак, выбившийся в президенты Чехословакии, прониклись идеей «Восточного Общего рынка» сильнее Брежнева с Косыгиным. Хотя не так уж все просто.

Гэдээровцы чуть ли не наизнанку выворачиваются, демонстрируя СССР самые верно-подданнические чувства, задабривают наперебой «интернационалистскими проектами полной отраслевой производственной интеграции», а сами упорно отвергают советские ГОСТы, храня верность евростандартам. Ничего себе, общий рынок!

«Главное, наплодили всяких «Интерэлектро», «Интератомэнерго», «Интерхимволокно», только всё стоит колом, – бурчал я в мыслях. – Качаем «братским странам» дешевую нефть, «братушки» впаривают нам ширпотреб втридорога – и тишина...»

Тут я поймал себя на том, что в упор плююсь на выцветшие обои с жуткими ирисами, и воротился в реал.

– ...Товарищ Косыгин, выступая на утреннем заседании, – с чувством вещал диктор, – отметил, что одной из ключевых проблем формирования сильного мирового социалистического содружества является создание собственной полноценной финансовой системы.

Крупным планом – Председатель Совмина, выглядевший вечно недовольным брызгой. Опершись о трибуну, Косыгин заговорил глуховатым голосом:

– Чтобы мы могли полностью использовать громадный потенциал СЭВ, задействовав единый рынок братских стран с населением в пятьсот пятьдесят миллионов человек, жизненно важно, попросту необходимо превратить советский рубль в общую полноценную валюту всего мирового социалистического содружества. Помимо ощутимых выгод, – запнулся он, – это наполнит новым содержанием и Международный банк экономического сотрудничества, и Международный инвестиционный банк – наполнит в обоих смыслах...

«Хорошо пошло! – Легко улыбаясь, я попятился, плюхаясь в мягкость дивана. – Ай да Гарин! Ай да сукин сын! Настоящий переворот устроил! Зря я боялся, что не поверят, не поймут, препоны чинить станут... Вон, движуха какая! Нормально... Только бы не намудрили по «закону Черномырдина». Хотя Брежнев вроде в адеквате...»

– ...Единая валюта и свобода поездок, – окреп косыгинский голос, – общий рынок труда, товаров и услуг создадут мощный стимул к экономическому развитию наших стран!

Всласть насмотреться прямого эфира мне не дали – в дверь заглянула встрепанная Настя, улыбаясь с таинственным видом, и рекла:

– Так. Шо расселся? Иди гостей встречать!

– Каких... – начал я формулировать, но тут сестренку потеснила Инна, торжественно внося кастрюлю, заботливо обмотанную махровым полотенцем. Хорошистка вырядилась в заношенную спортивку и полукеды, как и подобает для дачного дефиле.

– Откуда... – Толкнул я ошалело, поднимаясь.

– С днем рожденья! – воскликнула девушка с нетерпеливой радостью.

Быстренько оставив закутанную кастрюлю на столе, она с маху обняла меня – и замерла, будто устыдившись порыва. Веки ее опустились, гася синие огоньки, и Хорошистка робко нащупала мой рот губами.

– Только и знают, что лизаться... – ревниво проворчала Настя.

– Тебя там Гоша ждет, – отпасовала Инна, чуть задыхаясь, – совсем не целованный.

Сестричка фыркнула негодуяще и выскочила за дверь – ее ушки горели, как надранные.

Мы с Хорошисткой остались вдвоем. Не размыкая рук, девушка глянула мне в глаза, близкая и недостижимая.

– «У пропастей синих стою, – продекламировал негромко, слыша, как стучат оба сердца, – куда я сейчас упаду? В траву, что растет на краю? А может, дно бездны найду?»

– А дальше? – Замирающий шепот Инны втекает в мои уши. Девичьи ресницы порхают, пряча взгляд, и словно раздувают румянец на скулах.

– Не дописал, – вздыхаю я, чувствуя, как кровь приливает к лицу. – Это еще в восьмом классе... Только последние строчки помню: «По спасенному – листик травы. По упавшему – синий цветок!»

Хорошистка ласково погладила меня по щеке, безмолвно благодаря, и заговорила с преувеличенным оживлением:

– Это близняшки затеяли! У Миши, говорят, мама уехала, а ему некогда пироги печь. Давайте, говорят, сами!

Тут на крыльце шумно затопали, и порог переступила Рита, одетая как на субботник.

– Нет, ну ты посмотри на нее! – с деланным осуждением наехала она. – Отлипни, моя очередь. С днем рожденья, Мишечка!

Инна неохотно уступила Сулиме, и я был оцелован самой «Мисс школа № 12».

– Брился? – поинтересовалась «мисска», хотя в темени ее глаз таились совсем иные вопросы. И даже готовые ответы.

– Первый раз! – соврал я. Уши мои теплели.

– Чувствуется. – Рита снова потянулась губами.

– Обойдешься! – Хорошистка ловко перехватила меня, оттирая подружку.

– Вот на-аглая... – возмущенно завела Сулима.

– Ты со мной, как с куклой, – проворчал я, безропотно подчиняясь ласковому напору Дворской, и выдал писклявое: – «А ну, быстро вернула! Это моя игрушка!»

Инна приснула, поджимая плечи, но ответить не успела – в домик ворвалась галдящая толпа одноклассниц и одноклассников, бесцеремонно оттесняя Хорошистку.

– С днем рожденья! С днем рожденья!

Девчонки сразу полезли целоваться – когда все вместе, то не стыдно. А парни вытрясали пыль из моей куртки, хлопая по спине, да так, что внутри что-то ёкало.

– Вы откуда свалились? – спросил я с остаточной растерянностью, подставляя близняшкам Шевелёвым сразу обе щеки.

– Оттуда, отсюда! – простодушно радовалась Маша. Удался сюрприз!

– Мы на электричке, – поведала Света, звучно чмокая. – Весь вагон заняли. Иже херувимы! Ты рад?

– Аз есмь! – отчеканил я.

Карусель мелких и приятных хлопот завертелась, набирая обороты. Кто-то бубнил:

– Не понял... Мясо, что ли? Так оно ж сырое!

– Это на шашлык, балда.

– Сам балда!

Тонконогая Альбина с Настей доваривали борщ, увертываясь от дыма:

– Та-ак... Подсолить или хватит? Аля, попробуй.

– Ой, да нормально! Чесночку еще...

Эдик Привалов, нескладный очкарик осьмнадцати лет, и вихрастый Гоша Кириш собирали импровизированный стол:

– Гош, под ноги смотри! Никуда твоя Настя не денется.

– Да ну тебя! Говоришь что попало...

Возле Эдика, как планета у двойной звезды, крутился тощий Данька Корнеев, разрываясь между притяжением старшего товарища и хорошенькой внучки Ромуальдыча:

– Ого! Это ты принес?

– Домашнее, с Кубани. Пахне-ет... Дэнчик, сдвинь на себя. Дэн!

– А?..

Модная Ирма Вайткуте и хрупкая Тимоша застилали доски пожелтевшими, выгоревшими на солнце газетами:

– А она ему и говорит: «Не ходи за мной!» А он ей: «Ты мне очень нравишься!»

– А она?

Рита «припахала» высокого лощеного Женьку Зенкова и плотного, налитого здоровьем Дюху Жукова – румянец во всю пухлую щеку. Друзья, смахивая на Тарапуньку со Штепселем, подтаскивали всё на чем сидят – единственный стул, разношерстные табуретки и ящики:

– Андрэ, не пыхи как паровоз, тут нет рельсов.

– Точка – и ша! Э, э! Чурка-то зачем? На ней усидишь разве?

– А пуркуа бы и нет?

В сторонке, оккупировав облупленную лавочку у могучего куста сирени, репетировали музыканты – Светлана меланхолично перебирала струны черной лакированной гитары, время от времени давая улыбку, а Изя Динавицер настраивал скрипку, отрешась от земного.

– Изя, сделай лицо попроще, а то ты сейчас похож на курчавого Пьеро!

– Чё это?

В какой-то момент я будто отошел в сторонку. Вслушался в веселый гомон на некогда тихой дачке, взгляделся в радостную и бестолковую суету, где озорство вдруг перерастало в симпатию, а мимолетный взгляд надолго лишал покоя. Шесть соток, скучно разлинованных на грядки и клумбы, бурлили юной энергией, неясными, но волнующими позывами.

– Да куда я не поеду, – вырвалось у меня. – Нужна мне ваша физматшкола... Мне и здесь хорошо!

– Куда не поедешь? – пропыхтел Дэнчик, бредя от сортирной будки напрямую, сквозь строй разросшихся вишен. Деревца стегали его гнуткими ветвями.

– Да это... так, – я неловко покрутил кистью в воздухе, – мысли вслух.

– А-а... – Корнеев сунул руки в карманы кургузого пиджачка, тут же торопливо вынул их, нервно-зябко потер ладони. – Слушай... Я чего спросить хотел...

– Нравишься ли ты Ирме? – Улыбка сама запросилась на мои губы.

– Не-е! – Дэн замотал модными лохмами. – Я сам у нее спрошу. Когда-нибудь. Скоро. Ты... Ну-у... Запиши меня в этот ваш Центр! – Он торопливо уточнил: – Я не из-за Ирмы! Ну, не только из-за нее...

Подумав, я сказал:

– Давай сразу после каникул. Соберемся всем гамузом, побалакаем.

– Ага! – обрадовался Дэнчик.

Тут из общего гвалта выделился залиvistый смех Вайткуте, и голова моего визави повернулась, как флюгер.

– Лю-юди! – разнесся Ритин голос. – Садитесь жрать, пожалуйста!

– Пошли.

– Побежали!

Наперегонки с голодающими, я захватил табурет во главе самодельного стола. Эдик с таинственным видом достал бутылку темно-бордового вина и разлил по бокалам, кружкам, стаканам да чашкам.

– Всем понемножку... – обольщающе тянул виночерпий. – По глоточку...

А доски гнулись от бесхитростной снеди!

Миски с оливье и селедкой под шубой соседствовали с жареной домашней колбасой. Посередке, в щербатой супнице, настаивался красно-янтарный борщ. Светилось белым и отливало розовым тонко нарезанное, дивно пахнущее сало. Еще теплые, пирожки разморенно выгибали гребнистые спинки.

– Так. – Грея чашку в ладонях, Настя беспокойно осмотрелась. – А кто скажет тост?

– Я, – встала Рита, держа граненый стакан с вином, что просвечивало темным рубином, тая огонек в глубине.

Инна, сидевшая рядом со мной, беспокойно обернулась и положила мне руку на колено, словно боясь, что уведут ее «куклёнка».

Сулима оглядела всех, спокойно дожидаясь тишины, а когда зазвенело полнейшее безмолвие, неторопливо начала, не сводя с меня черных затягивающих глаз:

– Ровно год назад мы собрались у тебя, Миша, и с того дня все стало меняться к лучшему – и в твоей жизни, и в моей... У Светланы и Маши, у Инны... Ну, ладно, без имен! М-м... – Она призадумалась. – Мы стали немного другими, потому что иным стал ты сам. Или был? – По Ритиным губам скользнула озорная улыбка. – Неисчислимая куча народу не сделает за всю

свою жизнь столько, сколько тебе удалось... совершить, да, именно совершить за один этот год. И я желаю тебе расти и дальше, меняться самому и менять нас! За тебя, Мишечка!

– За тебя! – облегченно воскликнула Инна.

– За тебя! За тебя! – зашумела вся наша большая компания.

Сошлись сосуды, звеня и клацая, я чокнулся с Инной, дотянулся до Альбинки и Насти. Вино – густое, терпкое, пахучее! – как будто миновало желудок, сразу растекаясь по венам, грея, веселя и отпуская на волю.

Изнуренные долгой бескормицей, одноклассники набросились на холодное и горячее без разбору, уплетая кулинарные изыски под свежий воздух и дружеские подначки. Уютная сытость пришла не скоро...

– Мон шер Мишель, – томно воззвал Зенков, ложкой ковыряя теплый еще, поджаристый биточек, – научно-техническое творчество молодежи увядает и чахнет, как «прощальная краса».

– Во-во! – поддакнул Андрей. – Цели нет.

Вдумчиво дожевав пирожок-кныш, я мотнул головой.

– Нам сейчас не цель нужна, а известность. Прислушиваются к тем, о ком говорят. – Я смолк с ощущением, что важная мысль вильнула хвостом и ушла в глубину. – Есть одна идея... Стоп. А вы чего? Где инициатива снизу?

– Так мы завсегда! – преданно вытаращился Дюха. – И вообще...

– Мон шер Андрэ, всегда завидовал твоему умению емко и ясно выражаться! А какая идея?

– Электронная почта. – Я на пальцах объяснил друзьям, что за зверь E-mail, а по улице, словно контраста ради, прошествовала худощавая старуха с крючковатым носом и вечно поджатыми губами. Закутанная во все черное, она плыла зловещим «дореволюционным» пугалом, бросая на нас недобрые взгляды.

– Чё за ведьма? – громко прошептал Изя.

– Соседка, – боязливо ответила Настя, дождавшись, пока старуха скроется из виду. – Живет на даче, но каждый день ездит в церковь. А нас нехристями обзывает!

– Вот, взрослые вроде, – брезгливо скривил губы Женька, – а верят во всякую ерунду. И ведь не докажешь им ничего!

– А нам это зачем? – фыркнул я. – С какой стати что-то им доказывать? Пускай они обоснуют гипотезу бога, а мы послушаем!

– И вообще! – развоевался Андрей. – Отделили церковь от государства? Пора и от общества отделять! Пускай на квартирах собираются и полы лбами околачивают!

Зине антирелигиозная пропаганда надоела, и она капризно испустила:

– Музыку! Где музыка?

Изя, спешно набив рот колбасой, вылез из-за стола, вытирая руки о штаны под горестные Алькины вздохи, и вот приложился к скрипке, взмахнул смычком. Я поразился – тонкие пальцы Динавицера извлекли не жалкие взвизги самодельного лабуха, а музыку. Ритмы прихотливо менялись, но тема звучала единая – томные цыганские перепевы, то с налетом неумного страдания, то шальные и страстные, зовущие вдаль, в степь, за край...

– Ай, да нэ-нэ... – заунывно тянул Изя, встряхивая кудрями.

Светлана подыграла ему на гитаре, добавляя разгульных нот, и вот вышла Рита, изображая Эсмеральду. Затянув на узенькой талии старую, вылинявшую скатерть, она закружилась в танце, сочетая изящное фламенко и удалую таборную пляску. Гибкое, сильное тело будто переливалось, следуя забористой мелодии.

Настя моя недолго держалась, тоже выбежала на травку, а Инна выступила третьей.

– Ай, красавицы! – дурачился Изя. – Ай, бахталэ ромалэ!

Девушки словно затеяли бескровный баттл – гладкие руки взлетали, шаловливо разметывая волосы, а дразнящие изгибы бедер завораживали. Инна, Рита и Настя поразили меня неожиданным и удивительным сходством – высокие, стройные, три грации улыбались одинаково дерзко, напуская на зрителей колдовскую истому и разгоняя пульс.

– Ай, чайлэ! – взвыл Изя.

Гости неистово захлопали, засвистели, словно расколдованные «цыганским» кличем. Сцедив глуповатую улыбку в ладонь, я встал.

– Хочу сказать тост! – помолчав, поднял кружку с вином. – Настя свидетель, в прошлом году мы всей семьей готовились уехать на Дальний Восток. Я очень, очень рад, что отца удалось отговорить от этой затеи, что не пришлось учиться в чужом, не родном классе. Да, вы все мне очень дороги, особенно девочки... Ладно, ладно, не девочки тоже! За вас. За всех!

– Ура! Ура-а! – тонко закричала Маша. Ее поддержали, и радостный ор разнесся по всей улице.

Лениво тьякнул соседский пес, недовольный побудкой, а сверху, словно отвечая близняшке, плавно опадало курлыкание – в ясной синеве трепетал журавлиный клин.

Тот же день, вечером

Первомайск, улица Дзержинского

– Спину ломит, руки отваливаются, – хныкала сестричка, – ноги как не родные... Так... Столько свеклы перетаскала!

– ...Жаловалась доктору баба Настя, – жестокосердно подхватил я, мешая деревянной лопаткой скворчащую картошку, нарезанную соломкой.

– Издеваешься, да? – страдальческим голосом отозвалась девушка, с трудом заводя руки за голову. Со стоном прогнувшись, она посетовала: – Шея тоже болит! Сильно!

Котлеты прожарились с обеих сторон, и я плеснул в ярко-алую, подпаленную снизу сковородку немного кипятка из чайника – пускай доходят. Пар негодуяще зашипел, но под крышкой сразу утих, выпуская глухое недовольное ворчание.

– А вот я тебе сейчас массаж...

Вытерев руки, я положил ладони на покатые плечи Насти и бережно вмял пальцы, заодно высвобождая чутки своей энергии.

– Хорошо так... – пролепетала сестренка, размякая. – Печет даже...

– Мышцы расслабились, вот и греют, – выкрутился я.

С усилием огладив стройную Настину шейку, подумал, что «попаданцу» без сверхспособностей ничего не светит в прошлом. Угодишь в «эпоху викингов» – свирепый вонючий ярл мигом оприходует тебя в рабы-трэли, и будешь ты навоз месить, бесплатно любясь холодной синевой фьорда. А в «эпоху застоя» лучше даже не соваться, если у тебя за спиной, как у Деда Мороза, нет мешка с ноутбуками, смартфонами и прочими ништяками.

За то, что я здесь, в благословенном семьдесят пятом, надо сказать «спасибо» энергии моего мозга. Она у меня сильнее, чем у... чуть не сказал – «у нормальных людей». Вот и весь бонус от природы или эволюции! Без этой «Силы» я не смог бы срываться на сверхскорость, не сумел бы вылечить Суслова, Брежнева, а теперь еще и Андропова. Милосердие тут вторично...

«А ведь это опасный след, – с нарастающей тоской подумал я. – Стоит только Михаилу Андреевичу понять, что Миша Гарин и Миха «Хилер» – одно и то же лицо, как я буду раскрыт...»

Ну, не вычислил же меня «тезка» до сих пор! Знать, не настроен председатель КГБ делиться оперативной информацией.

Интересно, а велико ли число посвященных в мою тайну? Ну, Брежнев с Сусловым – это само собой. А еще кто? Очень даже может быть, что Косыгин – ему как раз и тащить воз реформ. Наверняка «силовики» – Устинов, Огарков и Гречко. Им крепить оборону. Возможно,

Громыко. Задача «Мистера «Нет» – упреждать будущие ЧП в Афгане, Иране, Польше, Сомали, Израиле, Китае...

«А почему бы тебе не активизироваться во «властных структурах»? Стоит ли ограничиваться передачей «послезнания»? – размышлял я. – Хватит скромно мяться в сторонке, пора начинать «движение вверх»! Ну, до партбилета ты пока не дорос, а вот по комсомольской линии... Кстати! А кто тебе мешает лезть в «реал политик» прямо сейчас? Оружие то же самое – информация. Подкинуть компромат на Подгорного, чтобы этого чванливого чинушу сняли поскорее. Слить беспринципного Полянского. Кулакова с Кирилленко измазать дегтем и вывалить в перьях, а опальных Егорычева, Романова, Воронова – обелить...»

– Ой! – пискнула Настя, и мои мысли рассыпались, как детская башенка из кубиков.

– Больно? – вздрогнул я.

– Да нет... – Настины бровки вскинулись удивленным домиком. – Так... Вообще не больно. Прошло!

– Вот что массаж животворящий делает. – Мои губы сложились в дежурную улыбку. – Ну, что? Накладывать?

– И побольше! Есть хочу – умираю!

Глава 2

Пятница 4 октября 1975 года, утро

Первомайск, улица Чкалова

Школа гудела.

Тугой напор отощавшего народца, что рвался к раздатке, давно уж ослаб. Лишь одинокие вопли шарахались по коридорам, играя в салочки с резвыми эхо, да мячиком скакал беззаботный детский смех. Большая перемена.

– Гарин!

Я оглянулся. Меня догонял топот Сёмы Горбункова, физорга всея школы. Обычно он, взирая на своих подданных, плативших по две копейки в казну ВЛКСМ, заметно важничал. Эта царственная привычка вызывала у меня улыбку, хотя «Симеон I» и не заносился особо. Но сегодня физорг выглядел жалко.

– Гарин, – выдохнул он, подбегая, – горим!

– Почти каламбур, – хладнокровно оценил я.

– Миш, вся надежда на тебя! – с чувством загудел Сёма, прикладывая к сердцу пятерню. – Школьная сборная по волейболу...

– Э, нет! – поднял я руки. – Все понимаю, сочувствую, но времени – ноль целых хрен десятых. Цейтнот, Сёма!

– Ми-иш, – басом заворковал Горбунков, – ты же а-атличный нападающий! Так высоко подпрыгивать у сетки...

– Сём, – ласково парировал я, – даже не уговаривай.

– А мне что делать? – Хитрый Сёма добавил голосу плаксивой дрожи. – Марат из девятого «Б» слег с аппендицитом, а нам завтра в Ялту выезжать!

– В Ялту? – приподнял я бровь.

Горбунков, как завзятый менталист, тотчас уловил нотку интереса в моем вопросе.

– Ну, да, – небрежно заговорил он, помавая рукой. – Ялта, Южный берег Крыма, то, сё... Водичка в море, может, и холодновата, но Черное все еще синее!

– Не пой, красавица, при мне... – Я ворчливо тормознул басистую сирену. – Ладно, на что только не пойдешь ради школы родимой.

– Записывать? – счастливо уточнил физорг.

– Записывай, – отмахнулся я со вздохом. – А тренер кто?

– Наш Тиныч. – Сёма потряс мне руку и торжественно провозгласил: – Миша, Родина тебя не забудет!

Проводив глазами Горбункова, длинно вздохнул: «В том-то и дело, что Родина...»

Я не планировал операции в Ялте потому лишь, что не мог сыскать надежного прикрытия. За единственный выходной не управиться, а просто так срываться в Крым, посреди первой четверти... Ну, если хочешь привлечь к себе внимание бдительных чекистов, то почему бы и нет! Спасибо, обойдусь как-нибудь.

Зато выбраться в составе сборной... О-о! Мечта нелегала.

«Вот только пальцам сегодня не повезет, – кисло усмехнулся я. Придется весь вечер долбить на «Ундервуде»...

Воскресенье 5 октября 1975 года, день

Ялта, улица Тимирязева

– Аут! – Резкий голос судьи загулял под высокими сводами.

Трибуны взревели. Счастливые и возмущенные вопли болельщиков смешались, переполняя спортзал сполохами бессильного огорчения или незамутненной радости. Диалектика!

Старшеклассники в красных майках весело мутузили друг друга, а команда в зеленом побрела с площадки, то вспыхивая запоздалой злостью, то угасая в унынии.

– Победила сборная школы номер пять из Ворошиловграда!

Я повесил вымокшее полотенце на шею и откинулся на спинку сиденья. Дюха раскорячился рядом.

– Подача у «красных» – блеск! – возбужденно отпыхивался он, приглаживая мокрые волосы. – Будто из пушки! «Зеленые» скачут, как кузнечики, а толку...

Глубокомысленно хмыкнув, я вытянул ноги поудобней.

– Эх! – Андрей смешно наморщил нос и шибко зачесал в затылке, лохматя полубокс. – Не везет мне с Крымом!

– Чё это, как Изя выражается?

– Да всё как-то не в сезон! Прошлый раз в Севастополь выбрались, на первенство. И когда? В марте! Миндаль цветет, а море серое и штормит. Никакой жизни! Сюда бы летом... – Дюха мечтательно сощурился. – Степь зеленая, море теплое... Красота! И девушки... В мини-бикини!

– Девушки, они и зимой девушки, – обнародовал я мысль, зевая и смазывая эффект.

– Ты чего, в автобусе не выспался? – фыркнул Жуков. – Полдороги дрых!

– Да не-е... – раззевался я. – Это от нервов.

Тринадцать часов в пути никого из сборной не вымотали, даже Валентина Валентиновича, нашего физрука. Все болтали, пели, жевали, глядели в окна автобуса, а когда умаялись степью любоваться – заснули и похрапывали до самого Симферополя. А с раннего утра – в бой! За кубок! За спортивную честь школы! За...

– О, Тиныч идет!

Физрук в синей спортивке и дефицитных кроссовках бодро взбежал к нам на трибуну. Бумаги в его руке смахивали на белую, встопорщившую перья птицу, что вырывалась из цепких пальцев, готовая вспорхнуть.

– Привет, кого не видел! – выдохнул Тиныч, мостясь, и оживленно затараторил: – Ну, что? Сыграли мы очень достойно, я даже удивился. В полуфинал вышли! Это надо же, а?

– И «красным» продули! – съехидничал Жуков.

– Ну, да, уступили, – чистосердечно признал физрук, тут же вдохновляясь, – но у ворошиловградцев действительно сильная команда, сыгранная как вокально-инструментальный ансамбль!

– Всё как по нотам, – вторил я.

– Я и говорю... Короче, дело к ночи. В пять общее построение, награждение – и свободны. Талоны на ужин взяли? Молодцы... Так, что-то я еще хотел сказать... А! Завтра выедем попозже. Автобус, конечно, не «Икарус» интуристовский, ну так... дареному «ЛАЗу» в радиатор не смотрят! Хе-хе...

«Чтоб ты понимал, Тиныч, – притекли ко мне невеселые думки. – Тебе же не придется кланчить деньги у спонсоров, чтобы вывезти мальчишек на турнир – к девяностым как раз на пенсию выйдешь. А может, и не заведутся спонсоры...»

– Валентин Валентинович, чуть не забыл, – встрепенулся я. – А можно мне сегодня отлучиться?

Физрук энергично кивнул, сгребая свои бумаги.

– Только чтоб к отбою успел, а то там комендант строгий. Ровно в одиннадцать гостиницу на ключ – и фиг достучишься!

Андрей подался ко мне.

– Кто она? – зашипел придушенно.

– Шатенка, по-моему. Или блондинка? Не помню уже, – вбросил я инфу. – Главное, обхват груди и бедер – девяносто шесть, талии – пятьдесят пять! Дальше сам фантазируй.

Дюха с Тинычем загоготали, а девятиклассники из нашей команды смущенно подхихкивали, ерзая в соседнем ряду.

– Ладно, побежал я, – вскочил физрук, хлопая себя по коленям. – А вы смотрите, шеи не натрите!

– Че-ем? – вытаращился Дюха.

– Ленточками «серебряных» медалек! – рассмеялся Тиныч.

Тот же день, позже

Ялта, Форосский парк

Сучок под ногами предательски треснул, и я застыл без движения, как в игре «Фигура, замри!».

Грузный охранник меланхолически прошлепал по тропинке мимо, наряженный в мешковатый «камок». Пахло дешевым табаком и одеколоном «Шипр».

«Небось «Приму» смолит», – подумал я, отмирая.

Мои черные треники и олимпийка сливались с любой тенью, а на голову я натянул самодельную «балаклаву» – нечем в сумерках сверкать. В общем, каждую мелочь предусмотрел, даже темные нитяные перчатки, но потряхивало меня изрядно.

Санаторий «Форос» не для простых партийцев, здесь отдыхает среднее звено, вроде первых секретарей обкомов или работников киевского ЦК. Ну и охрана тутошняя под стать курортникам. Зевнешь – повяжут и упакуют.

На четвереньках залезая в можжевелевую рощу, я набрал полную грудь зыбкой свежести. Благорастворение воздушных. Морской бриз доносит запахи соли и йода, а степные ветра навевают полынную горечь.

Из глубокого сумрака за аллеей моргнул красный огонек, и я припал к корневищам, поневоле вдыхая терпкость опавшей хвои. На каменные плиты аллеи выступил детина в камуфляже и в обычных кедах.

– Первый – Седьмому, – прошипела рация. – Доложить обстановку.

– Седьмой – Первому. Происшествий нет, нарушителей режима не обнаружено, – отпартовал детина. – Следую к главной аллее.

– Первый – Седьмому. Принято. Конец связи.

Охранник сунул увесистую рацию в чехол на пояс и бесшумно зашагал по аллее, скрываясь из виду. А ведь я чуть было не вышел на него... И куда смотрел?

Присев за ноздреватым валуном, огляделся. Спальный корпус мирно белел за кипарисами, путавшими тени. Отдыхающие бродили по аллеям и ухоженным дорожкам, степенно беседуя или погружаясь в одинокую задумчивость. Иные вышагивали с женами, сухонькими или капитальными дамами в возрасте – мода на «папиков» еще не настала, а за «аморалку» могли и с должности снять.

Я искал Егорычева, бывшего первого секретаря Московского горкома, коммуниста умного, честного и совестливого. Пять лет тому назад Николай Григорьевич попал в опалу, и его место тут же занял пройдошливый Гришин. А Егорычева, пострадавшего за правду, отправили «в ссылку» – послом СССР в Данию. Недолюбливал Леонид Ильич нарушителей чиновничьего устоя всех времен: «Сиди и не высывайся!»

«А нам такие люди нужны!» – рот зацепило мимолетной усмешкой.

Николай Григорьевич обычно гулял по главной аллее, под сенью громадных оплывших ливанских кедров или высоченных гималайских елей, а после забирался на малолюдные террасы, кружа вокруг прудов...

Мои губы дернулись в подобии улыбки. Забываясь порой, я всерьез думал о «разработке» Брежнева, Суслова и прочих небожителей. А воротясь в реал, с удовольствием стегал себя ехидцей, ядом брызгался. Куснул слона комарик!

Но ведь даже мелкое, гадостно зудящее насекомое способно занести опасный вирус – и свалить серого гиганта. А я трудолюбиво разрабатывал давние, полузабытые желания кремлевских старцев, их трепетно лелеемые, никому не высказанные мечты.

Михаил Андреевич с юных лет грезил о славе отнюдь не хранителя идей Маркса и Ленина. Он метил в мозговитые продолжатели, чьи труды, как ступени лестницы, выведут бедующее человечество к Миру Справедливости. Войны, хвори, будни... Год за годом мечта откладывалась «на потом», светясь, как проблесковый маячок: «Я здесь! Ты помнишь? Ты ждешь?» Дождалась...

А Леонид Ильич еще лет десять назад совсем иным был – донжуанистым, веселым, зубастым. Наскрозь простреливаемом пятачке «Малой земли» он не грелся в блиндаже, а сорок раз подряд лазал в окопы, чтобы – поближе к бойцам. На Байконуре нырял в убийственное гептиловое облако, когда ракета рванула прямо на стартовом столе, раскидав обгорелые трупы космодромной команды. Спускался в урановую шахту, работал по восемнадцать часов – и хотел, всегда хотел, чтобы слова из гимна о «великом, могучем Советском Союзе» стали незыблемой реальностью, ощутимой каждым. Брежнев – не Суслов, на теорию он не согласен, ему практику подавай! И чтоб не первым числиться, а единственным. Вождем. Отцом народов. Великим кормчим.

Я вострепнулся. Кажется, Егорычев! В синем спортивном костюме, смахивая издали на Тиныча, Чрезвычайный и Полномочный в королевстве датском вышагивал, рукою водя по светло-зеленым иголкам молоденьких пиний. Остановился у озера, поглядел на закормленных красных рыб и подался к вычурной беседке-ротонде, цеплявшейся за край обрыва.

Я подобрал легкими густой воздух, медленно выдохнул. Мой выход.

Скрываясь за зеленым гляncем магнолий, подобрался к «объекту». Нас с ним разделяла изящная деревянная решетка, густо заплетенная виноградом. Стоило мне замереть среди крученых лоз, и я пропадал из виду. Как в детской головоломке «Найди зайчика».

В последний момент меня посетило острое желание бросить все и уйти – сомнения в пользе аппаратных игрищ переросли максимум. Выждав минутку, пока не осядет всколыхнувшаяся в душе муть, я задавил позывы слабости. «Точка – и ша!» – как говорит Дюха. И тут же, не давая малодушию опаматоваться, вступил в контакт:

– Добрый вечер, Николай Григорьевич, – в моем голосе звучали деланные гнусавость и сиплость.

Егорычев обернулся с видимым неудовольствием, приглядываясь, кто это там портит ему чудный вечерок.

– Здравствуйте... э-э... молодой человек, – церемонно ответил он. – Что за маскарад, позвольте спросить?

– Не обращайтесь внимания. Так надо, – зажурчал я. – Я не псих и не провокатор, просто...

– Послушайте! – возвысил голос посол, выпрямляясь.

– А если я скажу, что хочу помочь вам вернуться в ЦК КПСС?

Похоже, опальный Егорычев растерялся. Облизнул пересохшие губы.

– Н-не понимаю, – пробормотал он немного нервно.

– Вы стали неудобны после той речи на пленуме, помните? – развил я наступление. – За филиппики в адрес «непотопляемого» министра обороны и прочих «стратегов». Вы тогда устроили разнос Гречко за бездарное участие в арабо-израильской войне, за дорогую и неэффективную ПВО...

– Откуда вам это известно? – резко прервал меня экс-секретарь. – Доклад шел в закрытом порядке!

– Я слишком много знаю. – Мои губы скривились в усмешке. Краем глаза поймав движение на тропинке ярусом ниже, занервничал – и заторопился: – У меня для вас компромети-

рующие материалы и на Гречко, и на Устинова, и на Гришина. Отпуск ваш заканчивается, не так ли? Когда в Москву?

– П-послезавтра...

– Отлично! Получите, – вытащив из-за пазухи пухлый пакет, я просунул его в щель под резной решеткой. – Там отмечено, кому и что можно доверить, какую конкретно часть «черного досье». То есть вам даже интриговать особо не придется – заинтересованные лица сами начнут аппаратные подвижки и рокировки, задействуют связи, создадут нужное для вас общественное мнение. Вам останется главное – направлять ход событий. А начать корректировку следует уже на этой неделе. Строго-обязательно съездите в пятницу в Завидово, поговорите с Брежневым после охоты. Покажете генсеку все, что я вам передал, и прямо заявите: хочу, мол, вернуться к партийной работе в ЦК! Похоже, Леонид Ильич набирает себе новую команду – и не из слабачков-подлиз, сплюшь из тяжеловесов. А этот пакет, – я придал голосу значительность, – может стать для вас пропуском в Политбюро. Гарантий не дам, но, если уж подвернулся шанс, грех им не воспользоваться!

Егорычев смотрел на меня, почти не мигая, серьезно и хмуро.

– Почему я должен вам верить? – сухо спросил он. Линзы очков блеснули закатным заревом. – И кто вы вообще?

– Лучше мной не интересоваться, – хмыкнул я невесело, – а то, боюсь, заинтересуются вами. Все сведения, представленные здесь, точны до последней запятой. Можете, конечно, проверить их по своим каналам, но будьте крайне осторожны. Ну-у... ладно, мне пора.

– А если я поинтересуюсь, кто за вами стоит? – Тон опального секретаря приобрел легкую агрессию.

– А их много, – усмехнулся я. – Весь советский народ. Ну, почти весь, коли по правде. Да, вот еще что... Возможно, мне не стоит об этом говорить, но... Короче. Где-то через год, в конце февраля семьдесят седьмого, в гостинице «Россия» вспыхнет страшный пожар. Как бы цинично это ни звучало, но для вас, Николай Григорьевич, беда станет прекрасной возможностью окончательно убрать Гришина, ведь именно по его настоянию «Русский Хилтон» сдали с недоделками. Постарайтесь спасти людей и... предупредите Андропова – весьма вероятен поджог, даже теракт.

– Да с чего вы... – выдавил ошарашенный Егорычев.

– Всё! Удачи! – Уловив движение на аллее, я отшагнул в заросли.

Непонятная суэта напрягала, улавливаясь чуть ли не кожей, – шастали пятнистые тени, прыгали лучи фонариков, невнятно долдонили рации. Облава?

Выбежав на «лечебную тропу», я чуть было не налетел на плотного верзилу в камуфляже. Он сжимал волосатой лапой изящную коробочку «Тюльпана», шипевшего помехами.

Неуклюжий с виду верзила явил бесподобную прыть – упав на корточки, крутанулся, махнул ногой, «скашивая» меня. Я подпрыгнул, сгибая колени, но бить резвого стража не стал – отскочил, да и рванул на сверхскорости по дорожке, только камушки брызнули. Реакция у верзилы была неплоха, он уловил промельк размытой тени и крикнул мне вдогонку:

– Сто-о-ой...

Слабевший голос охранника упал в низкие частоты, до хтонического зыка, пока воздух, бивший мне в лицо, не «выключил звук».

«Странно, скорость упала!» – махнуло в голове удивлением. Раньше я вообще бы никого не услышал...

Солнце село, в парке зажглись фонари, раздвигая сумрак, растаскивая темень по закоулкам. Неясная фигура метнулась наперехват, и я резко затормозил, чтобы не снести служивого. Присев, тот развел руки, но у меня не было желания испытать силу его объятий. Нырнув в прогал между нумидийских сосен, я запетлял, выскакивая на пустынную аллею.

Нет, мне не сюда. Увернувшись от прысков фонтана, ускорился и перемахнул парковую ограду, едва не закувыркавшись по склону, поросшему фисташкой.

Выдохнул я внизу, на обочине серой ленты асфальта. Стояла бесподобная тишина. Лишь изредка, отвечая порывам ветра и нагоняя тревогу, шуршала листва, а с моря докатывался шелковый шелест прибоя. На подрагивавших ногах я зашагал по дороге вниз, успокаивая бухавшее сердце. Воспользовавшись упадком сил, вновь стали заедать сомнения.

Стоило ли вообще рисковать со сливом, подвергать опасности и себя, и Егорычева? Пойдет ли он ва-банк? Там, в «прекрасном далеко» две тысячи восемнадцатого, мы с Леночкой сильно гордились, что верно выстроили психологические профили Николая Григорьевича, Геннадия Ивановича, Григория Васильевича... Вот только реальная жизнь не вмещается в прокрустово ложе нашего черно-белого понимания. Всяко бывает...

Я встрепенулся, заслышав подвывание мотора, и сразу напрягся. Прыгать в кусты? Или обождать?

За поворотом качнулись лучи фар, высвечивая черные стволы, словно оглаживая деревья тусклым сиянием. На дорогу выкатился шустрый «пазик». Светясь пустым салоном, автобус запыллил, съезжая на обочину. Взвизгнули, приглашая войти, складные дверцы.

– Куда? – лапидарно спросил водитель с роскошным чубом, выпущенным из-под фуражки таксиста.

– В Ялту, – отвечивал я не менее лаконично.

– Садись.

– Спасибо.

Лишь бухнувшись на мягкое сиденье, осознал, до чего же я вымотался. Набегался...

Подвывая мотором, «пазик» вывернул на приморское шоссе. Впереди замерцала россыпь ялтинских огней, а слева, стыдливо прикрывая нечто промышленное или жилищно-коммунальное, распростерся циклопический плакат: «План – закон! Выполнение плана – долг! Перевыполнение – честь!»

Изображенный в два цвета рабочий утверждал сей советский мем взмахом богатырской длани. М-да... Если такой заркочет: «I'll be back!», задохлик Шварценеггер описается...

«Выходит, я свой план тоже перевыполнил, – подумалось лениво. – Пересекся с Егорычевым еще в этом году! Честь мне – и грамоту на стену. Но! А почему вообще надо дожидаться шанса? Почему бы не создать ту самую редкую возможность? – я беспокойно заерзал, чуя подступающий азарт. – Нет, в самом деле! Поездку в Ленинград ты запланировал на зимние каникулы. Молодец, «план – закон!». А если съездить туда на осенних? И не одному, а со всем классом? Посетить «колыбель революции», подняться на борт «Авроры», покричать «ура!» на параде... Алиби – стопроцентное!»

Идея настолько захватила меня, что тревоги мои обнулились, а страхи пожухли и облетели с души.

«Думай, голова, думай! – как дед говаривал...»

Четверг 9 октября 1975 года, полдень

Первомайск, улица Чкалова

– Здравствуйте! – Заглянув в дверь школьного комитета комсомола, я обнаружил инструктора райкома ВЛКСМ, в гордом одиночестве заполнявшего «портянку» ведомости. – А где комсорг?

Сухопарый инструктор оторвался от бумаг. На его узком, будто бы изможденном лице проступил явный интерес.

– А нету! – весело ответил он. – Володя Лушин отучился и выбыл, а нового никак не выберут.

– Упущение, – сказал я рассеянно.

– Согласен! – Инструктор развел длинными костистыми руками. – В ноябре проведем отчетно-перевыборное. Вот только кандидаты что-то в очередь не становятся...

Задумчиво кивая, я оглядел кабинет. Без перемен.

У стены с гипсовым барельефом Ленина пылились знамена из пафосного бархата с золотым шитьем. Безыдейно загораживая красный уголок, громоздилась древняя аппаратура школьного радио – с самодельным микшером и роскошными наушниками фирмы «Сони». Старые стенгазеты, небрежно свернутые в рулоны, завалили подоконники двух широченных окон; в простенке чах мешанский фикус, а прямо напротив двери воздвигся огромный письменный стол на мощных тумбах. К нему, как ножку буквы «Т», пристыковали пару легковесных, тонконогих столиков, накрытых общей зеленой скатеркой.

– Понятно всё с вами...

– Слу-ушай... – Комсомольский чин взял подбородок в горсть и откинулся на спинку. – Гарин? Я не ошибся?

– Просто Миша, – скромно представился я.

– Слушай, просто Миша, – вкрадчиво заговорил мой визави, – а ты не испытываешь желания впрячься в воз повседневности? Ты же у нас круглый отличник и будущий ученый – вон, Центр НТТМ организовал, в журналах о тебе пишут... Может, примешь бразды?

Подумав для приличия, я тряхнул головой:

– А давайте!

«Ты же сам этого хотел!...» – промахнуло в мыслях.

Заулыбавшись, инструктор привстал и пожал мне руку, перегнувшись через стол и опрокидывая пластмассовый стакан с отточенными карандашами «Тактика».

– Поздравляю со вступлением в ответственную и хлопотную должность секретаря школьного комитета комсомола, – с чувством сказал он. – Желаю счастья в работе и успехов в личной жизни! Кстати, рекомендую – Серафим Палыч. Просто Сима!

– Да как-то неудобно... – изобразил я стеснение.

«Просто Сима» хохотнул.

– Вот когда я женюсь, – заговорил он жизнерадостно и назидательно вперемешку, – обзаведусь дачей, вредными детьми и злобной тещей, встану на очередь за «Жигулями», а изрядное брюшко компенсирует обширную лысину, вот тогда и зови меня по имени-отчеству! А пока я бегаю на воле, неокольцованный и незарегистрированный. Понимэ?

– Понимэ.

– Ну, раз понимэ, – построжел Серафим, – тогда зайди – обязательно! – в райком комсомола, ко второму секретарю. Николай Ефимович любит общаться с комсоргами лично, а не по телефону.

– Ладно, зайду, – сказал я покладисто. – Только, боюсь, погонят меня из комсоров...

– С чего бы это? – задрал брови Сима.

– Формализма не выношу, – вздохнул я, шаря глазами по серым от пыли занавескам. – Мне б живое дело... Как на ударной комсомольской!

Инструктор заулыбался с прежней светимостью.

– Сработаемся!

Воскресенье 12 октября 1975 года, день

Ленинград, Владимирская площадь

Бежевая «Хонда» еле тащилась за неспешным коробчатым троллейбусом, лениво шевелившим усами токоприемников.

«Остановка! Ну, наконец-то...»

Усатый бело-синий «ЗиУ», мигая желтым глазом, подался к тротуару, и «японка» покатила ходче, однако стрелка спидометра дрожала у дозволенных шестидесяти.

«Не хватало мне еще встреч с гаишниками!» – нервно подумал Дэниел Лофтин. Облизнув губы, он по очереди вытер о джинсы потные ладони.

На крайний случай громко разговорится, нещадно коверкая русский язык: «Я есть вице-консул Соединенных Штатов!» Милиционер козырнет ему и погрозит пальцем – мол, не нарушай больше, мистер... Но доводить до лишней засветки не стоит, проще соблюсти правила.

Лофтин аккуратно вывернул на Владимирскую площадь. Условное место «Влад».

Оглядевшись, припарковал машину багажником к церкви. На тайном языке «рыцарей плаща и кинжала» это значило – схрон заложен в Москве. А вот если бы «Хонда» встала не задом к тротуару, а передом – закладка в Ленинграде, в укромном местечке на Обводном канале.

Разведчик усмехнулся: он еще не устал от жизни, как старички из генконсульства, и все эти шпионские уловки занимают его по-прежнему, будто и не кончалось скаутское детство. Да и не так уж много оборотов вокруг Солнца намотала Земля, пока Дэниел Макатур Лофтин ползал, ковылял и бегал за юбками!

Ах, если бы только не эта выматывающая нервотрепка...

– Be Prepared!⁹ – прошептал вице-консул, взбадривая трясую натуру.

Да и что такого опасного он совершает? Подумаешь, машину оставил на стоянке! Тоже мне, герой выискался... Вот закладки делать – это по-настоящему страшно. До дрожи, до икоты. За каждым углом, в любой тени мерещится группа задержания...

Благо московские просторы – зона ответственности парней с «Чайковки», неразлучных Крокетта и Келли. Нынешний тайничок Винсент с Эдмундом заложили на «Аллее» – в Измайловском парке, на бережку Серебряно-Виноградного пруда. С виду – булыжник, а на самом деле – хитро сработанная посылка. Там и вопросник, и шифротаблицы, и таблетки для невидимых чернил... И тугая пачечка советских дензнаков. Куда ж без них?

Выйдя из машины, Дэниел почувствовал себя голым и уязвимым, словно моллюск без раковины.

«Терпи, шпион, резидентом станешь!»

Подхватив холщовую сумку, Лофтин запер консульское авто и дергано, как заводная кукла, зашагал к Кузнецкому рынку.

А голосистые пышечки-колхозницы уже узнают его, подумал Дэнни, отвлекаясь от напряжения, и плотоядно ухмыльнулся. Заманивают напевно, выставляя «утреннее» молочко и баночки с русским йогуртом. Называется varenets.

Сгоняя зажатость, вице-консул глянул на старенький «Ролекс» – изящное швейцарское изделие охватывало волосатую конечность. Четверть второго.

У агента «Немо» ровно полчаса, чтобы «снять» сигнал. Когда троллейбус выедет на площадь и завернет мимо станции метро «Владимирская», справа как раз откроется стоянка. Зри в корень, агент...

Тот же день, позже

Москва, улица Кировская

Аглауко напропалую ухлестывал за рыженькой из их группы, а вот Томаш изнывал от скуки и нетерпения. Шестой день они бродят с толпой туристов, старательно фотая достопримечательности да высматривая бородатых мужиков в ушанках, спаивающих «Столичной» медведей с балалайками.

– Синьоры! – возопил вертлявый гид-переводчик с цепким взглядом. – Сейчас вы можете сами прогуляться по Москве, но не забудьте – вечером нас ждет Большой театр!

⁹ Будь готов! (Англ.) – Скаутский девиз.

Мути мигом отвязался от своей зеленоглазки, щебетавшей всё бойчее, и пришатнулся к Платеку.

– Пора! – нервно выдохнул он.

В стильном блейзере, в мокалинах ручной работы и демократичных джинсах, Аглауко выглядел дельцом средней руки, а вечно насупленного Томаша можно было принять за мафиозо. Но только не в советской Москве. Здесь у нумерариев будто невидимые таблички болтались на груди – «Интурист».

Платек вздохнул, ощущая привычный страх – и разгоравшийся кураж. Близился волнующий момент инфильтрации – внедрения и погружения в чужую среду.

– Второй час уже! – задергался Мути. – «Сменщики» могут нас не дожидаться.

– Да куда они денутся...

Оставив пугающую площадь Дзержинского за спиной, нумерарии поднялись по Кировской, незаметно проверяясь, и свернули к храму Святого Людовика Французского.

Две его невысокие колоколенки заботливо поддерживали приземистый тосканский портик. Перед собором никто не толкся, лишь высокий старик, упакованный в черное, медленно поднимался по ступеням, постукивая лакированной тростью.

Томаш пристроился за ним и шагнул в храм, склоняя голову.

– Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа... – забубнил он.

Собор хранил торжественную тишину. Немногочисленные прихожане отбыли службу и разошлись, лишь в боковом нефе шаркал усохший, как мумия, министр да высидивал на скамье давешний старикан.

Платек неторопливо зажег свечу у иконы Богородицы и уселся рядом с Мути. Прямо перед ним усердно прямил спину единовец, поразительно схожий со знаменитым персонажем русских сказок – Кашеем Бессмертным.

Томаш неуверенно посмотрел на Аглауко, тот поймал его взгляд и пожал плечами. Вздыхнув, поляк негромким речитативом завел молитву-пароль:

– Святый Господи, Отец мой всемогущий, Господи вечный, светоч правды, умоляю Тебя явить свою вечную милость и ниспослать мне истинное знание... – Он смолк и облегченно выдохнул, расслышав дребезжащий голос «Кашея».

– ...Да очистится и освятится душа моя! – с энтузиазмом подхватил дед. – Да помогут мне в свершениях моих непоколебимая вера, справедливое суждение и святое учение Церкви. Именем Иисуса Христа, нашего Спасителя. Да будет так.

Помолчав, «Кашей» тихо добавил:

– Давно ждем вас, уж и не чаяли свидеться.

– Нельзя было сразу, – неуклюже оправдался Томаш.

Старик слегка наклонил голову, соглашаясь, и проскрипел:

– Следуйте за мной.

Все трое чинно покинули центральный неф и вышли на солнце, моргая после церковного сумрака. Степенно шагая, добрались до Кировской, перешли улицу, плутая в переулках.

– Нам сюда. – «Кашей» поворотил хищный нос к рустированному фасаду. – Мы очень тщательно отбирали тех, кто сегодня заменит вас, а уже завтра вылетит в Италию под вашими именами. Главное, что оба – католики, верные и проверенные...

– Вылет послезавтра, – поправил старика Аглауко, допуская к губам ухмылочку, – и звать их будут иначе, чем нас.

– Не придирайся, – забрызжал Платек.

– Да так еще лучше! – взбодрился «Кашей», открывая дверь. – Прошу.

Величественный подъезд встретил троицу гулкой тишиной – каждый шаг, каждый шорох достигал ушей, пугающе усиливаясь, словно кто подкрадывался со спины, выгадывая момент, чтобы напасть.

«Нервишки, однако... Шалят!» – усмехнулся Томаш.

– Сталинский ампир, – негромко сказал Мути. Видать, и его прижали акустические фокусы.

Старик позвонил в добротную дверь – два коротких звонка, два длинных, один короткий. Не сразу, но ему ответили.

– Кто там? – послышался слабый боязливый голос.

– Открывай, – каркнул «Кашей».

Защелкали запоры, и дверь приоткрылась.

– Заходите! «Хвоста» нет?

– Нет, – сухо обронил Томаш.

Он вошел за стариком, встречая в прихожей коренастого человека с квадратным лицом. Бесцеремонно оглядев «сменщика», Платек кивнул – сходство есть, даже смуглинка заметна.

– Загорал?

– Все лето! – поспешно ответил перебежчик и выдохнул: – Дождались, Господи!

– Потом, потом! – отмахнулся «Кашей» в тягостном нетерпении. – Переодевайтесь!

– А где мой?... – закрутил головой Мути.

– Я здесь! – откликнулся второй «сменщик», выглядывая из совмещенного санузла.

– Похож вроде... Начали!

Томаш сноровисто разделся до трусов и натянул на себя приготовленную одежду, не броскую, но удобную. И никакой синтетики!

– Не спеша, гуляючи, как бы вернетесь в гостиницу «Интурист», – наставлял «сменщиков» Аглауко, застегивая простенькую фланелевую рубашку. – Вот карточки гостей. Предъявите их на рецепшене... э-э... дежурному администратору, и вам дадут ключи. На столе в номере – фотки «поляроидом», мы их не прятали. Все подписаны, будто на память. Я снял нашего экскурсовода, туристов из группы... В общем, не перепутаете, кто есть кто. Вечером сходите в Большой театр, завтра – экскурсия... не помню куда, а во вторник вылетаете в Рим. И запомните: вы – туристы из Италии! Вам все интересно и ничего не страшно!

Перебежчики быстро закивали, словно наперегонки. В их глазах разгоралось пугливое счастье.

– Паспорта! – отрывисто скомандовал «Кашей», занимая кресло в углу. – Деньги! Военные билеты!

– Вот! Вот! – «Сменщики» выложили на стол пачки десятирублевки и документы, подтянули две спортивные сумки с обычными наборами командированных – сменами белья, мыльно-рыльными да холостяцкими пайками (каждому по паре вареных яиц, несколько булочек, граммов по триста копченой колбаски, по сырку и, как бонус, соль в спичечном коробке).

– Всё как просили!

Платек небрежно кивнул, протягивая «своему» перебежчику итальянскую паспортину, куда вложил стопочку лир. «Сменщик» с благоговением принял сей пропуск в «свободный мир», полюбовался и бережно спрятал во внутреннем кармане пиджака.

– Привыкай, – бегло усмехнулся Томаш, раскрывая чуток потрепанную зеленокожую книжицу с черной надписью «СССР». – Расмус Сауга. Латыш?

– Вообще-то, эстонец, – занервничал его «сменщик», – но родился в Риге.

– Оч-чень хорошо, – спародировал поляк прибалтийский выговор, – эт-то скроет акцент.

– Совершенно верно, – подал голос «Кашей».

– Вах! – экспрессивно воскликнул Аглауко и протянул руку, дурачась: – Григорий Сакашвили!

Выходка Мути немного разрядила копившееся напряжение. Томаш то хмурился по привычке, то улыбался, неуверенно и криво. Оглядев уродливую мебель, плотно задернутые шторы, свисавшую с лампочки липкую ленту, рябую от мушиных трупики, он выдохнул:

– Расходимся, синьоры!

Вечер того же дня

Первомайск, улица Мичурина

Игорь Синицын понемногу начинал гордиться своими успехами на поприще госбезопасности. Нет, он по-прежнему скромно стоял в сторонке, оказывая почтение истинным мэтрам, но неуверенность спадала, а страх напортачить слабел. Почти год работы в составе спецгруппы, сколоченной из крепких оперативников, кому угодно даст навык. А это приятно – понимать сказанное операми и знать, как именно действовать.

В принципе старшим уполномоченным он стал не потому лишь, что заслужил доверие Андропова – еще со времен работы в ЦК, были и профессиональные показания. Как-никак «ходил в разведку», хоть и под прикрытием журналиста АПН. Но поиски объекта «Миха» (он же «Хилер», он же «Ностромо») – это высший пилотаж оперативной работы.

Благодушествуя, Синицын выбрался в общий зал, где оперативники затеяли чайную церемонию. Коля Славин колдовал с заваркой, напуская дразнящего аромату, Наташа Верченко нарезала хрупкими желтыми пластиками солидный ломоть «Пошехонского», духовистыми колечками насакала «Краковскую», а Лукич добрал на глазах, подливая себе коньячку из крошечной фляжечки.

– Плеснуть? – расплылся пожилой, но все еще крепкий аналитик, завидев начальство.

– Спасибо, я лучше закушу! – Игорь сноровисто достал из холодильника масло, а из эмалированной хлебницы – начатый батон.

– Ой! – Глаза Наташи испуганно округлились. – А я из вашей чашки пила, из синей... Сейчас помою!

– После вас, Наташенька, хоть отраву хлебай, – бархатно задвинул Синицын. Перехватив неласковый взгляд Славина, быстро скорректировал позицию: – Да ладно, я белую возьму!

Круглобокий «Саратов» закрывался лишь от сильного тычка, и лязг захлопнутой дверцы пустил единственное эхо, мешавшее улечься тишине. Рации на столе – и большая армейская, и маленькие милицейские не шипели даже, пуговично блестя потухшими индикаторами. Помалкивал и целый набор телефонов, сгрудившихся на отдельном столе. Эту «Спецгруппа на отдыхе».

В этот самый момент, когда дневные тревоги улеглись, ночные еще не закопошились, а технический перерыв плавно перетекал в дружеский ужин, глухо взвизгнула входная дверь, и на пороге возник сам Иванов. Генерал-лейтенант даже в штатском был орел. До такой степени, что Синицыну сразу захотелось расправить плечи и втянуть живот.

– Здравия желаю! – благодушно сказал Борис Семенович. – Чаевничаете?

– Присоединяйтесь, товарищ генерал-лейтенант! – сделал Лукич широкий жест.

– А вот не откажусь. – Иванов пододвинул стул и уселся. – Уф-ф! В Москве не позавтракал, в аэропорту не пообедал... Ух, ты! Колбаска! – Плотноядно потеряв руки, генерал-лейтенант соорудил себе многоэтажный бутерброд. – Что, тают наши ряды? Я гляжу, вас всего четверо осталось.

– Должен еще полковник подойти, – прогудел Славин, – звонил с полчаса назад.

– А, ну, Фашилий... м-м... Федорыч в курше, – успокоился генерал-лейтенант, изрядно откусив от «маслохлебца» да швыркнув чаем.

На веранде затопал сапогами чуть ли не взвод, и Синицын насторожился.

– Кто это там?

– Подкрепление! – Лицо Бориса Семеновича раздирала довольная ухмылка.

В общий зал шагнули трое парней, похожих, как горошины в стручке, – ладные, крепкие, с экономными и точными движениями.

– Знакомьтесь, «Царевичи» из группы «А»!¹⁰ – сделал широкий жест генерал-лейтенант. – Все – Иваны. Иван Первый, Иван Второй, Иван Третий.

– «Царь, – брякнул Славин, – очень приятно!»

Иваны дружно улыбнулись, а в дверь протиснулись еще двое новичков – смуглых и тепло одетых.

– У-у, мы думали, Марина с вами! – белозубо улыбнулся бритоголовый парниша в тюбетейке и меховом комбезе, тут же похваставшись: – Мы с Умаром служили под ее чутким командованием! Я – Рустам Рахимов. А это...

– Умар Юсупов, – перехватил инициативу его товарищ. – Салям!

– Салям! – радостно пискнула Наташа. – Как нас сразу много стало!

И новички, и старички захохотали, неразлично стирая черту между «мы» и «они». Да и к чему делить, раз уж все – наши?

– За стол, за стол давайте! – захлопотала Верченко. – Голодные небось? Еще и замерзли! Гости и хозяева смешались, тасуясь в одну команду и сообщая уничтожая припасы.

– Как там Миха, не попадался? – добродушно забурчал Иванов, отдуваясь после второй кружки.

– Увы нам! – развел руками Синицын. – Локализовали только, отсекали окраины...

– Борис Семенович! – прозвенела Верченко. – Такое впечатление, что по Михе наверху совсем затормозили!

– Ну, не знаю, совсем или не совсем... Юрий Владимирович велел свести наблюдение к минимуму и думать. Старые методы, говорит, не годятся. Свежие идеи есть? Никак нет, говорю. – Иванов затажно вздохнул. – Ладно, ждем приказа отпустить тормоза, а пока... Спасибо за колбаску и... вот вам пицца для ума. Глеб Лукич, просветите народ.

Аналитик торопливо закивал.

– Эксперты, допущенные к текстам и аудиозаписям Михи, провели мозговой штурм. – Он суетливо потер руки. – И пришли к выводу, что объект наших поисков можно отнести скорее к пожилым, чем к юным. У Михи наблюдаются стойкие обороты, не присущие молодежной среде. Сама манера говорить свойственна взрослому мужчине, имеющему высшее образование, большой опыт работы, возможно, научной деятельности, ну и соответствующие навыки.

– Да-а... – протянул Синицын. – В такой психологический профиль школьник... да даже студент старших курсов не вписывается.

– А вы вспомните... – подала голос Наташа. – Ведь Марина первой догадалась, что на самом первом Михином фото вовсе не лицо, а личина! А если под маской юнца скрывается пенсионер?

– Длинные черные волосы – парик, горбинка на носу – искусственная... – медленно покивал Лукич. – Именно этот облик принял Максим – успехов ему на нелегальном поприще! Но как по-настоящему выглядит Миха? Мы понятия не имеем! Да, у нас есть еще несколько снимков скверного качества. На одном из них «Ностромо» в очках, а еще в кадр попали его губы. А толку? Губы можно и сжать, и скривить, и трубочкой вытянуть. Уши – вот неизменная черта! Но Миха всегда их прикрывал, в том числе и в образе девушки...

– У него стройные ноги, – вклинулась Верченко, краснея, – только лодыжки толстоваты...

– Такие изящные и тонкие щиколотки, как у тебя, – ухмыльнулся капитан Славин, – мужикам не полагаются.

Все, сгрудившиеся за столом, оживленно задвигались, кроме раздумавшейся девушки, и тени на стенах зашатались.

¹⁰ Группа «А» Седьмого управления КГБ СССР. Больше известна как отряд «Альфа».

– Короче говоря, – подвел черту Иванов, – все наши фотороботы годятся только на рас-
топку.

– Да, – заворчал Лукич по-дедовски. – Ходили туда, не знаю куда, искали того, не знаю
кого...

– Я бы пошерстил тутошний секретный «ящик», – медленно проговорил Борис Семено-
вич. – И среди вузовских преподав...

– На предприятиях пошукать, – подхватил Синицын, – среди ведущих специалистов. Да,
и очень вероятно, что Миха – военный. А в районе ракетчиков, как на Байконуре!

– А действительно! – воспрял генерал-лейтенант. – Мы как-то обходили армейцев сто-
роной. Займемся, Игорь Елисеич?

– Займемся, Борис Семеныч, – степенно наклонил голову старший уполномоченный.

Глава 3

Понедельник 13 октября 1975 года, день

Первомайск, площадь Ленина

Темно-серая окраска Дома Советов отдавала в синеву, как шаровой колер боевых кораблей. Да и крутая лестница у подъезда райкома отдаленно напоминала парадный трап. Обойдя парочку «волжанок» статусной вороной масти, толкшихся у тротуара, я поднялся на борт «крейсера», державшего курс к коммунизму.

– А где мне найти Николая Ефимовича?

Весьма целеустремленная женщина с кипой бумаг, тяжело ступавшая в ужасных туфлях на платформе, даже головы не повернула.

– Третья дверь налево, – бросила она, печатая шаг и поневоле рождая ассоциации с непарнокопытными.

«Не стоит благодарности», – решил я и постучался в указанную дверь.

– Можно?

В довольно тесном кабинете, но с высоким потолком обнаружился антикварный стол, сколоченный годами в тридцатых. Мебельный раритет был заставлен телефонами и завален папками, а за ними прятался глыбоподобный мужчина с глазами цвета увядших незабудок.

– Николай Ефимович?

– Угадали, юноша, – улыбнулся второй секретарь, выпрямляясь. – Он же Ефимыч, он же товарищ Виштальский... Но остановимся лучше на первом варианте. А вы, конечно, Михаил Гарин?

– Он же Михаил Петрович, – подхватил я, кое-как справляясь с неловкостью, – он же Миша.

Виштальский весело рассмеялся.

– Присаживайтесь, Миша. – Николай Ефимович решительно отодвинул папки, набитые бумагами. – Сима звонил мне, да я и раньше, конечно, слыхал о юном конструкторе микро-ЭВМ. Товарищ Данилин из обкома долго и обстоятельно вас расхваливал, а звонок Серафима лишь освежил мою память.

Я угловато, будто играя подростка, занял кресло для посетителей и осмотрелся украдкой – обстановка кабинета многое может рассказать о своем хозяине.

М-да. С первого взгляда «раскрыть образ» у меня не вышло. Вдоль стен выстроились невысокие книжные шкафы, чьи полки гнулись от тяжелых томов. Потрепанные Гегель и Плутарх со множеством закладок, истертая подшивка «Науки и религии», словарь Даля, сборник «Математическая смекалка», невзрачные брошюры с клеймом «Для служебного пользования»...

Полное собрание сочинений основоположника покоилось с миром на отдельной этажерке. И как тут угадать пристрастия?

Широкий подоконник окна, выходившего в сквер Победы, оккупировал развесистый куст с революционным названием «декабрист», зеленой копной выхлестывавший из дубового бочонка. А стены над книжными полками окончательно запутывали кое-как наклеенными плакатами. Ближе к двери – самое узнаваемое фото Че Гевары в беретке, черное на красном – вдохновенный команданте со взглядом идеалиста. Ему бы к хиппи примкнуть, «травкой» баловаться, а не герильей...

Рядом косо висит черно-белый портрет большелобого Ильича, а дальше разметалась настоящая дацзыбао с небрежно намалеванными иероглифами. Винегрет!

– Тот плакат я с Кубы привез, – сказал Николай Ефимович, сладко ностальжируя. – «Серемос комо Че!» – девиз тамошних пионеров.

– «Будем, как Че!» – перевел я каким-то деревянным тоном.

Виштальский кивнул и облокотился на стол.

– Ну, меня вы, конечно, вычислили, – заговорил он со скользящей улыбкой. – Теперь моя очередь. Знаете, Миша, до вас тут многие комсорги сживали. Бубнили про общественно полезную деятельность, конечно, об историческом значении XXIV съезда задвигали... А как вы, Миша, оцениваете деятельность нашей партии?

Я не улыбнулся в ответ – размышлял над скрытыми смыслами вопроса. Проверка на разумность? Или на лояльность? И как мне реагировать? Стать в строй и с юным задором в очах скандировать: «Партия сказала: «Надо!», комсомол ответил: «Есть!»? Так это проще всего. Заучишь мантры, разрежешь тетрадку пополам, чтобы оформить дурацкий «Ленинский зачет», поскучаешь на собраниях годиков десять, отучишься в партшколе... И выйдет из тебя еще один серийный функционер. Функция.

– На «троечку», – вздохнул я, внутренне ёжась. – С минусом.

– О как! – крикнул второй секретарь. Его голубые глазки заискрились любопытством. – А что ж так-то?

– Однажды мне попалась на глаза памятка для поступающих в Московский институт иностранных языков, – неторопливо заговорил я, гадая, кто кого проверяет. – Там было четко указано, что в «ИнЯз» принимают мужчин, проживающих в Москве – и получивших рекомендации от ЦК ВЛКСМ. Не ошибусь, если скажу, что такой же «фильтр» установлен и на входе в МГИМО. Вопрос: у парня из глубинки, мечтающего стать переводчиком-референтом или дипломатом, есть хоть малейший шанс на поступление? Ответ отрицательный.

– Да-а... – протянул Виштальский задумчиво и стал крутить ручку в толстых пальцах. – Вы, конечно, не перечислили все основания для «неуда», но мне понятно, что осталось «за кадром»...

Я покачал головой:

– Не подумайте лишнего, Николай Ефимович. «Нерушимый блок коммунистов и беспартийных» – это наше всё, просто партии нужна ха-арошая чистка!

– Ну-у, кой-какие перемены грядут, однако... – беспокойно задвигался Виштальский. – Между нами, я склонен согласиться с вашей оценкой, Миша, – социальные лифты у нас работают из рук вон, а чинить их никто даже не собирается. М-да... – Он с облегчением направил разговор в иное русло: – А чем вы займетесь как секретарь школьного комитета комсомола?

– Начну с нахальной просьбы, – заерзал уже я. – Хочу сделать подарок своему десятому «А»... – Взяв паузу, тут же ляпнул: – За счет райкома! – И зажурчал: – А класс у нас очень дружный, настоящий такой ученический коллектив. Вон, на той неделе маршировали на перемене и скандировали: «Ди-на-мо! Ди-на-мо!»¹¹

– Да-а... – сожмурился Виштальский. – Побили наши немцев, конечно! А как им Блохин зарядил... М-м... – Он восхищенно покачал головой. – Весь стадион стонал от восторга!

– У меня к футболу не так чтобы очень, – смутно выразился я, – но топал со всеми в одном строю. Еще и махал чем-то бело-синим...

«Болтаю много!» – подумал недовольно. – Чего ты так волнуешься? Спокойней! Ты же не выпрашивать пришел у торговца-бызнэсмэна, а у своего просить».

– В общем, народ в классе дюже активный, – продолжил я, упорно скатываясь в многоглаголание. – И спортом занимается, и учится на «четыре» да «пять»... Есть, правда, у нас один отстающий – Юра Сосницкий, но ничего, подтянем. На днях.

– Дальше, – мягко сказал второй секретарь, возвращая меня в колею. – Дюже интересно, какой же подарок ждет ребятня из десятого «А»?

¹¹ 6 октября 1975 года футбольная команда «Динамо» (Киев) обыграла немецкую «Баварию», выиграв Суперкубок Европы.

– Поездку в Ленинград на октябрьских! – выпалил я. – Пусть «живьем» увидят Зимний, поднимутся на борт «Авроры», посмотрят парад. Понимаете? Еда – это на день, одежда – на сезон, а впечатления – навсегда! Проблема в том, что далеко не все родители могут оплатить такую экскурсию...

– Понимаю... – затянул Николай Ефимович, легонько похлопывая по столу в ритме самбы. – Конечно, я подумаю над... э-э... подарком. Дальше.

– А дальше – наш Центр НТТМ «Искра», – утомив нервы, я стал мерно излагать. – Сейчас в Центре шестнадцать человек – из нашей школы, из одиннадцатой, плюс пара студентов-заочников. И нам тесно! Гараж и крошечная мастерская – не развернуться. Зато планов – вагон и маленькая тележка! Например, привлечь девушек. Пока у нас только Рита Сулима занимается, из нашего класса... кстати, чемпионка района по гимнастике. Она разработала сумку на колесиках, уже оформлен патент. Европейцы, говорят, засуетились. А девчонок я планирую занять кройкой и шитьем. Но не передничков, как на уроках труда. Пусть шьют настоящие джинсы, чтобы все как полагается.

– Ух, ты! – хмыкнул Виштальский.

– А что? – задиристо спросил я. – Джинсы – всего лишь синие штаны, изначально рабочие! Их шили для пастухов, шахтеров, моряков, докеров...

– Нет-нет, я не спорю, конечно, – поднял руки Николай Ефимович, – это и смело, и... занятно.

– Ну, вот, – подуспокоился я. – Мальчишки у нас в основном в машинах копаются. «Ижа» мы сделали, сейчас доводим до ума битую «Волгу» – оч-чень интересно получается. Но этого мало! Вот, хочу завести первую в СССР электронную почту. А где? В гараже?! Да там даже швейную машинку не знаешь куда приткнуть!

– Я понял так, что пора мне готовить еще один подарочек. – Холмики щек второго секретаря поднялись, смешливо ужимая морщинки в уголках глаз. – Нежилые помещения под ваш Центр. М-м?

– Зато мы сразу развернемся! – воодушевился я. – Станем городским или даже районным центром НТТМ! Пригласим рукастых и головастых старшеклассников, студентов, молодых рабочих. А цель у нас очень даже комсомольская: добиваться, чтобы всё, отмеченное штампом «Сделано в СССР», было лучшим в мире!

– Достойная цель, конечно, – серьезно сказал Виштальский. – Что называется, патриотизм на практике. В живом деле... – он задумался. – Вот что, Миша... Сможете завтра подойти... Тут недалеко, на Карла Либкнехта. Покажу вам один объект. Часам к трем? М-м?

– Буду как штык! – пообещал я.

Вечер того же дня

Первомайск, улица Дзержинского

– Никого не будет в доме... кроме сумерек. – Незамысловатая мелодия сама просилась на язык. – Один... зи-имний день в сквозно-ом проеме... – рука неловко отмахнула шторы, – ...незадернутых гардин. Не-е-задернутых гардин...

Зайдя на кухню, я глубокомысленно воззрился на холодильник и понял, что просто отлыниваю от работы. Скомандовав себе «Кругом!», вернулся в свою «берлогу». Грозился электронную почту забабахать? Давай, мечи идеи.

Стул негодуя скрипнул под сидением. Так, теперь пришла очередь микроЭВМ испытывать силу моего отупелого взора...

И тут мою центральную нервную прошил импульс озарения.

«Ёшкин кот и другие сказочные персонажи! Ты забыл о модеме, дебилоид недолеченный! СОМ-порт есть? Есть. По нему можно и нуль-модемом связать два компа... в смысле, две микроЭВМ. А на большие расстояния... Вот же ж, не сообразил, дубина! Ла-адно...»

– Орешек знаний тверд, но мы не привыкли отступать! – твержу я речевку из киножурнала «Хочу все знать!», напрягая извилины. – Нам расколоть его поможет... «Зухель»!¹²

«А главное что? – Мысли побежали строем и даже параллельно. – Главное, факс-модем идеально подходит для наших сильно зашумленных телефонных линий. Они ж все, считай, релейные. Хм... Кажись, пора вводить в бой тяжелую артиллерию. Нанесем удар по империализму из-за угла, пусть теперь всё покупают у нас!»

Вскочив, я намотал пару кругов по залу, раскладывая мысли по полочкам и сусекам. Да нет, должно сработать... Даже в суровых условиях «застоя».

Притопывая от нетерпения, набираю номер межгорода. Ага, гудок пошел...

– Слушаю! – лязгнула трубка по-военному.

– Революй Михайлович, здравствуйте, это Миша.

– О, Миша! Рад, рад! М-м... Что-то случилось? – На том конце провода голос теплеет – и сразу включается в режим «старшего брата».

– Еще не случилось... – прифыркнул я, чуть не разразившись глупым хихиканьем. – Но надо к этому стремиться. Есть идея, Революй Михайлович, а посоветоваться мне и не с кем... – Я откровенно подлизываюсь, но, если уж быть до конца честным, только Суслов-младший может мне помочь. И, что всего важнее, он и сам этого хочет.

– Мне тут пришло в голову, как передавать информацию для ЭВМ на большие расстояния, прямо по телефонным проводам. Для любой ЭВМ, лишь бы у нее был СОМ-порт... – Я сжато формулирую, как сконнектировать два модема. – А если присобачим разветвитель СОМ-портов, то легко собирается модемный пул – на шестнадцать линий ставим столько же модемов и подключаем к одному компу... э-э... микроЭВМ. И теперь шестнадцать абонентов одновременно передают данные в центр или получают инфу! – Тут я запинаясь – в голове, будто по наитию, вспыхивает, переливаясь гранями, блестящее воспоминание о будущем. Простенькая плата МОХА на четыре, восемь, шестнадцать портов!

«Ага, запузрырились синапсы, загудели, заиграли аксончики! Думай, голова, думай...»

Я концентрируюсь и продолжаю журчать в ухо директору ЦНИИРЭС:

– Стоит обмозговать идею многоканального модема на одну линию... Ну, это задачка на завтра, а вот порешать с радиомодемом для военных и КГБ можно уже сегодня. Звонок, передача пакета шифрованных данных – и всё! За десять-двадцать секунд фиг запеленгуешь!

Революй Михайлович возбужденно сопит в трубку, а я уже кручу в уме схему сетевой карты на коаксиале. А пуркуа бы и нет? Для соединения можно использовать простейшее «кольцо», и никаких железяк не надо! Есть, правда, ограничения по длине линии из-за затухания сигнала, но для начала это не критично.

«Вот это пруха! – думаю весело. – Драйв драйвовый!»

Замела мыслей круговерть, идеи косяками валят...

«Сетевые протоколы – ладно, справлюсь как-нибудь, а вот МАС-адреса... М-да... Тут паяльником не обойдешься, нужен крупный математик».

Я сразу подумал о Канторовиче. Колмогоров – голова, но Леонид Витальевич набирает вес в верхах... И вообще, это единственный теоретик мирового класса, ставший великим практиком.

«Садись в такси, – хмыкаю мысленно, – и сразу капает двадцать копеек. Это – от Канторовича...»

Ага, в трубке зародилась жизнь.

– Миша, если всё так, как ты говоришь... – Голос Суслова-сына срывается, но сразу крепнет: – У-ух! Это же... Я же... Так, ладно, работаем. С меня – стопроцентная поддержка! Как

¹² Просторечное название факс-модема ZyXEL. Имеется в виду модель U-1496E.

только изделие будет готово, звони! Да, и подготовь список деталей. Обеспечение за мной, это же... Всё, жду!

Мы кладём трубки телефонов, и меня снова озаряет, будто током бьет: а ведь я смогу связываться с Мариной по защищенному каналу...

«Ага, связываться, когда ее нет дома! Так, стоп. Почтовый сервер... – Мысли мечутся в запале. – Нет, не сейчас! Чуть позже. Сначала разберемся с доставкой, с локалкой... Как раз и подойдет очередь писать проги для почтового сервера. Хотя ещё не ясно, на чем его разворачивать... На БЭСМ-6? А вот потом... Потом можно садиться поудобнее и вволю размышлять о доменах и интернетах. Здорово... СССР – родина «Всемирной сети»! А это уже не только престиж, это деньги – и деньги очень даже серьезные. Только бы не упустить момент! Так, хорошо, о стране я подумал, а о себе? Ну-у, есть в запасе пара мыслей...»

Вторник 14 октября 1975 года, день

Первомайск, улица Карла Либкнехта

Дом был огромен и запущен – кирпичный куб за мощной оградой. Двор зарос травой по пояс, выбитые окна заколочены досками. Пара обитых железом ворот на первом этаже прятали гараж и мастерскую, а каменная лестница с вычурными коваными перильцами уводила на высокое крыльцо, где угрюмо чернела стальная дверь, пупырчатая от заклепок, – из пушки не пробьешь.

– Ну, как вам? – Николай Ефимович потер руки с видом ловкача-маклера, готового надуть легковерного квартиранта.

– Впечатляет... – затянул я. – Прямо Дворец пионеров!

– Лет двадцать назад здесь прописалась заготконтора межрайбазы Райпотребсоюза, – выдал второй секретарь, как скороговорку. – Уф-ф! Запомнил же... Потом они куда-то переехали, а здание пустует. Батареи перемерзли, конечно...

– Починим, – решительно заявил я.

– Местное хулиганье малолетнее повыбило стекла...

– Застеклим.

Виштальский хмыкнул и поднялся на крыльцо. Вынув из кармана здоровенный ключ, отпер дверь, но та не спешила открыться.

– Зар-жа... вела! – пропыхтел второй секретарь, рывками открывая тяжелую облупленную створку. Та поддавалась неохотно, жалобно взвизгивая и скрежеща. Чешуйки облезшей краски сеялись шелухой.

– Смажем, – обронил я. Покачав шаткие перила, добавил: – Приварим.

Мне очень хотелось, чтобы наш Центр справил новоселье в этом «отдельно стоящем здании», вот и старался быть убедительным.

– Прошу! – выдохнул Николай Ефимович, пропуская меня в широкую щель.

Войдя боком, я осмотрелся. Темный коридор сходил к забитому окну, cedившему свет на щелястый пол.

– Осторожно! – закричал Виштальский, тискаясь в узком проходе. – Доски кое-где прогнили.

– Заменим, – кивнул я, не замечая однообразия своих ответов.

В бывшей заготконторе пованивало застарелой прелью, но сквозняк помаленьку-потихоньку вытягивал затхлость и унылый запах пыльных бумаг. Отовсюду шли тихие стуки и скрипы, шелесты и щелчки – дом словно оживал, сбрасывая многолетнее оцепенение и радуясь людям, заполнившим его бессмысленные пустые пространства.

Внутренние двери почти не пострадали, пропуская нас в обширные комнаты. Повсюду валялась брошенная или сломанная мебель – стулья, раскуроченные шкафчики и тумбочки,

поведенные от сырости стеллажи. Выцветшие плакаты и графики до сих пор висели на стенах, а полов не видно под россыпями перфокарт, бланков, путевых листов и накладных.

– А намусорили... – ворчал второй секретарь, ступая осторожно, носком ботинка брезгливо разгребая бумаги, устлавшие скрипучий паркет «в елочку». – Свинтусы...

– Уберем.

– Гляньте-ка, Миша, – кактус оставили. Засох, конечно...

Я чуть не брякнул: «Полюем!», но вовремя прикусил язык.

– Вы где? – гулко донеслось из коридора.

– Это Арсений Ромуальдович! – оповестил я Виштальского и громко крикнул: – Здесь мы! Вторая дверь!

Бодрый топот – и Вайткус возник на пороге. Был он в замысловатом кожаном полупальто с многочисленными молниями и в шапочке, которую позже назовут «чеченкой».

– Как моя внучка говорит: «Нарисовался – фиг сотрешь!» – расплылся в гагаринской улыбке директор Центра НТТМ «Искра». – Ефимыч, здорово!

Виштальский крепко пожал мозолистую руку.

– Ты чего не заглядываешь? Зазнался, поди?

– Всё в трудах, аки пчела! – хохотнул Ромуальдыч. – Я гаражи гляну?

– Давай, а мы тут, поверху...

Глядя вслед удалявшемуся Вайткусу, второй секретарь доверительно сказал:

– Если честно, Миша, то я пекусь не только о научно-техническом творчестве молодежи. У меня много друзей и в Киеве-батюшке, и в Москве-матушке, поэтому я в курсе свежих веяний. То, что вы продвигаете, Миша, совпадает с новым курсом партии – да, неустоявшимся, колеблющимся, но я чувую перспективу! Помогая вам, я помогаю себе.

– Николай Ефимович, – отозвался я понятиливо, – из вас выйдет отличный первый секретарь райкома КПСС. Нам такие люди нужны!

Виштальский рассмеялся, шутливо погрозив мне пальцем, и направился обратно в коридор, где слышна была неясная возня. Из закутка, куда спускались дырчатые ступеньки с чердака, выбрался Ромуальдыч, отряхивая свою кожанку.

– Кровля нигде не течет, – доложил он с живостью, – только хлама – горы.

Николай Ефимович пару раз озадаченно моргнул:

– Так ты ж вроде вниз спускался!

– Ефимыч, там все просто замечательно-о! – напел Вайткус. – В мастерской даже кран-балка есть, только тельфер – йок. Будем станки искать списанные, подшаманим – и в строй!

Второй секретарь отмел ладонью растрепавшийся пробор.

– Вы вот что... – Он смолк, соображая. – Где-то после октябрьских соберитесь в Одессу. Там, на Пересыпи, будут сносить мехмастерские. Станочный парк старый, конечно, но у вас руки откуда надо растут...

– Справимся, – выдал я.

– Там и тельфер найдете, и кучу инструмента... Я позвоню кому надо, бумаги оформлю, а вы... М-м... Грузовик сыщете?

– Школьный «газон» займем, – бодро отозвался Ромуальдыч.

– Какая-то мысль вертится в голове... – Лоб Николая Ефимовича нахмурился, образуя на переносице складочку. – А! Вам надо обязательно потолковать с особистами... э-э... с чекистами. У вас же наверняка какие-то документы хранятся по всяким разработкам – протоколы опытов, журналы наблюдений? А то, знаете... – Он посерьезнел. – Можно сколько угодно не верить в шпионов, но научно-техническую разведку никто пока не отменял!

– Потолкуем, – твердо сказал я, чуя неприятную зябкость.

– Да-а... Работенки вам подвалило, конечно, – завертел Вишталский головой, бросая взгляд то на застекленные двери с пыльной табличкой «Актный зал», то на перекошенный стенд «Профсоюзная жизнь». – Зато будет где толкать прогресс!

– И кому, – поддакнул Вайткус.

– Прорвемся! – заключил я со всей беззаботностью юности.

Тот же день

Восточный Берлин, Рушештрассе

Маркус Вольф ослабил галстук и приблизился к окну. Что-то не работает сегодня. С самого утра никак не наберет темп.

«Обленился ты, Миша Волк!»¹³ – качнул головой Вольф.

Опершись о подоконник, он глянул вниз. Машины-букашки ползли по Рушештрассе до угла, суетливо перестраиваясь, мигая подфарниками, накаляя красные «стопы», – и шустро разбегались по широкой Франкфуртер-аллее.

«Модель нашей жизни, – философически подумал Миша-Маркус. – Один рискует и вырывается вперед, мешая ближним, а другой осторожничает, вечно уступает – и последним добирается до цели. Но кто из них счастливей?..»

Требовательно замигал селектор, призывая хозяина кабинета.

– Да.

– Геноссе Вольф, – прошелестел секретарь, – к вам Райнер Кёнен.

– Просите.

Щелкнул замок, тихонько скрипнула тяжелая дверь из полированного дерева, и порог переступил один из замов Вольфа – в Главном управлении «А»¹⁴ Кёнен отвечал за политическую разведку в ФРГ и Западном Берлине.

Рядом с огромным начальником Райнер выглядел хрупким и тщедушным подростком, но его быстрому уму мог позавидовать любой крупный ученый.

– Шеф, интересные новости, – с ходу начал Кёнен, уткнувшись в открытую папку. – Ага...

Вольф улыбнулся – Райнер в своем репертуаре. Ни «здрассте», ни «до свиданья» – сразу к делу, не теряя ни секунды. И то правда, ведь время – не деньги, это сама жизнь. А что может быть дороже грешного бытия?

– Слушаю. – Маркус позволил себе вольность – присел на краешек письменного стола, но зам даже этого не заметил.

– Помните, в прошлом году была утечка из Моссада? – быстро заговорил Кёнен, не в такт языку сонно моргая. – Кто-то в израильском МИДе нащептал директору ЦРУ о молодом человеке из Советского Союза, обладающем невероятными способностями. Ага...

– Постой... – поднял палец шеф ГУР. – Миха? «Хилер»?

– Так точно! – Райнер резко кивнул, словно бодая воздух. – Михе-де и ядерные секреты Тель-Авива ведомы, и будущее он предсказывает с такой погрешностью, что... В общем, ею можно спокойно пренебречь. Ага... Вы тогда еще сказали, что неважной информации не существует. И вот, пожалуйста! Донесение нашего человека с Кляйн-аллее¹⁵.

Он сообщает, что Миха якобы согласился сотрудничать с американцами, и те его тайно вывезли в Штаты. Ага...

¹³ Маркус и Конрад Вольф провели детство и выросли в СССР, где их звали Мишей и Колей.

¹⁴ Главное управление разведки МГБ ГДР (нем. Ministerium für Staatssicherheit, неофициально сокр. Stasi, «Штази»).

¹⁵ На Кляйн-аллее в Западном Берлине находилась штаб-квартира ЦРУ.

– Интересно... – затянул Маркус, просчитывая варианты. – С Карлсхорстом¹⁶ связывались?

– Так точно! Геноссе Лазарев был краток: «Не комментируется!» Ага...

– Понятно... – Вольф слез со стола и упруго заходил по кабинету, сдерживая горячку мыслей. – Это все?

– Нет-нет! Дальше самое интересное. Вот у меня еще одно донесение – от Ойгена Браммерца...

– О! – оживился Маркус. – «Великолепный монах»!¹⁷ А вы еще не верили, что от бенедиктинца выйдет толк, Райнер!

– Каюсь, – ухмыльнулся Кёнен.

– Так что Браммерц?

Зам сунул нос в папку.

– Зафиксированы тайные переговоры польского кардинала Кароля Войтылы с генеральным председателем «Опус Деи» Альваро дель Портильо. Ага... Что именно обсуждалось, неизвестно, но в итоге дель Портильо направил в Советский Союз двух «солдат Господа» – нумерариев Томаша Платека и Аглауко Мути. Они уже засылались в СССР раньше – в Белоруссию, на Западную Украину... Ага... У этой парочки приказ: убить Миху!

– Ага... – тихонько выговорил Вольф, будто передразнивая Райнера. – Следовательно, КГБ либо упустило «Хилера», и ЦРУ удалась его эксфильтрация за океан, либо Москва ведет свою игру на чужом поле... Хм. Вот что, Райнер. Новое задание для «Великолепного монаха». Пускай вплотную займется этим Войтылой, а вы проверьте все контакты кардинала. Ну, вас учить – только портить.

– Ага! – ухмыльнулся Кёнен.

– И еще... – Маркус покачался с пяток на носки, соображая. – Вот что. Отправьте... Куда там намылились эти зольдатики?

Райнер сунулся в папку, близоруко водя носом по строчкам.

– Украинская Советская Социалистическая Республика, Николаевская область, город Первомайск.

– Отправьте туда парочку оперативников, можно под видом туристов. Лучше всего Дитриха и Ганса.

– На перехват? – деловито уточнил Райнер.

– Да-а... – сказал Вольф задумчиво. – Если... м-м... нумерарии действительно выйдут на Миху, то почему подобное не удастся КГБ? Или уже удалось? Или предиктор в Штатах? Вопросов много, а ответов ни одного... – Он потер подбородок ладонью, смешно сминая губы. – Вот что. Ни в коем случае нельзя допустить ликвидации «Хилера», но и хватать его... чревато. Если нашим сотрудникам повезет и они нападут на след благочестивых убийц... Пусть через них выходят на предиктора. Задание таково: защитить «Хилера»! Ни в коем случае ни умышлять его, ни даже склонять к сотрудничеству или сдавать КГБ! Вообще никаких силовых контактов. Пусть на словах объяснят Михе, что у него появился запасной выход. Случиться может всякое, но на Ленинском проспекте¹⁸ «Хилера» примут без разговоров, без условий и тайно переправят в Берлин. Да, и пусть передадут ему вот это...

Шеф ГУР отпер сейф и достал маленький, плотно запечатанный пакет.

– Держите, Райнер. Это мое личное... м-м... скажем так – приглашение. Его получали немногие. Внутри – карточка с берлинским адресом, телефоном, паролем и отзывом. Всё впи-

¹⁶ Карлсхорст – район Восточного Берлина, где располагалось представительство КГБ СССР. Вплоть по май 1976 года уполномоченным КГБ по координации и связи с МГБ ГДР являлся генерал-лейтенант А. И. Лазарев.

¹⁷ Агент Штази Ойген Браммерц, монах-бенедиктинец, был в 1975 году отправлен трирским аббатством в Ватикан.

¹⁸ На Ленинском проспекте в Москве находилось посольство ГДР.

сано особыми чернилами, на свету они исчезнут за минуту – хватит, чтобы запомнить. Пусть Миха знает, что всегда сможет найти в ГДР надежное убежище. Вот так... Начинайте операцию без промедления!

– Ага! – боднул головой Кёнен.

Сложив папку, он сунул ее под мышку и торопливо удалился.

Маркус Вольф, покусывая губу, вернулся к окну. Машины, как жучки, по-прежнему ползали внизу, соблюдая правила дорожного движения.

«Миха... Миша? – подумал шеф ГУР. – Да мы почти тезки! Посидеть бы с тобой, Миха, поговорить... Только не в камере и не в кабинете, а где-нибудь... Можно в том кафе, напротив Красной ратуши. Нет, нет, там прослушка... Лучше всего – махнуть в Варнемюнде! Чтобы синее небо, зеленое море и белый песок... Кто же ты, Миха?»

Тот же день, позже

Первомайск, площадь Ленина

Дом Советов выглядел очень солидно, с оттенком монументальной державности, как старинное присутствие – тут тебе и фронтоны с колоннами, и купол со шпилем, и широкие лестницы. А вот если посмотреть сверху, то станет ясно – возводили здание под пение «Интернационала», а никак не «Боже, царя храни». В плане Дом Советов смахивает на скрещение серпа и молота.

В огромное сооружение впихнули все разом – дворец культуры, библиотеку, загс, райком партии. Нашелся тут и закуток для горотдела КГБ.

Поднявшись на второй этаж, мы с Ромуальдычем зашагали по ковровой дорожке, в междурядье отделанных шпоном дверей. Сквозняки разносили по гулкому темноватому коридору невнятные отголоски из высоких кабинетов, стрекот пишмашинки и шелест бумаг. Со сводчатого потолка лился тусклый свет ламп, спрятанных под фигурными колпаками молочного стекла, засиженного мухами. Пахло куревом и почему-то сырой штукатуркой.

У нужной нам двери покоился стол, двумя толстыми тумбами попиравший ковер. Дубовую столешницу, размером с односпальную кровать, обтягивала черная кожа, пробитая по периметру гвоздиками с медными шляпками. Включенная настольная лампа бросала свет на телефоны и молоденького сержанта в новенькой форме.

Независимо сунув под мышку папочку с суровым оттиском «Дело №...», я вопросительно глянул на Арсения Ромуальдовича. Тот подмигнул мне – не робей, мол, прорвемся!

– Вам назначено, товарищи? – строго спросил сержант.

– Мы к Василию Федоровичу, – сказал Вайткус со значением.

– Товарищ Олейник занят, и...

Директор Центра НТТМ оперся руками о стол и холодно улыбнулся.

– Так позвоните товарищу Олейнику, – проговорил он с оттенком нетерпения, – и сообщите, что товарищ Вайткус желает его видеть лично.

Я даже головой покачал в восхищении, столько властности прозвучало в голосе простецкого Ромуальдыча.

– Секундочку... – прижух сержант и снял трубку.

После короткого доклада он выпрямился, словно по стойке «смирно», и отрапортовал:

– Слушаюсь, товарищ полковник! – Клацнув трубкой, страж нажал кнопку, отпирая дверной замок. – Проходите, вас ждут.

Вайткус кивнул и пропустил вперед меня, небрежно обронив:

– Етто со мной.

За дверью пряталась огромная комната, показавшаяся мне очень светлой после коридорной суеты. Вся обстановка – ряд стульев, большой стол для заседаний, пара застекленных книжных шкафов, сейфы – располагалась вдоль стен или между широких окон. Большой

портрет Дзержинского висел над письменным столом, за которым трудился невысокий плотный мужчина в возрасте, но без седины в густой черной шевелюре.

Он что-то быстро писал и заговорил, не поднимая глаз:

– Явился, не запылелся! Ты где пропадал, чертяка?

– Я... етта... перешел на нелегальное положение! – ухмыльнулся Ромуальдыч.

Олейник махом черкнул подпись. Радостно скалясь, выбрался из-за стола и крепко пожал руку Вайткусу.

– Ну, садись, рассказывай!

– Ёшкин свет! Рассказывать – етто вечером, за бутылочкой коньяка, – расплылся в улыбке Ромуальдыч, – а мы по делу. Етта... – Он положил руку мне на плечо. – Знакомься: будущее светило советской науки!

– Арсений Ромуальдович... – затянул я с укоризной.

– Не скромничай, Миша! – отмахнулся Вайткус. – В общем, дела такие. Заведовал я школьным Центром НТТМ. Миша как бы мой зам по научной части... А сейчас переезжаем в новое здание на Либкнехта, и будет у нас уже районный Центр! Не какой-нибудь там клуб юных техников, всё по-взрослому. Вона, еттой зимой, Миша на ВДНХ в Москву ЭВМ собственной конструкции возил, а летом... Как откроешь толстый научный журнал, так обязательно на Мишино фото наткнешься! Не морщись, зам, правда ведь. Даже в «Сьянс э ви» пропечатали, и в «Сайнтифик Америкен». Так что... не абы как! Мы и самой настоящей научной работой занимаемся, и прогресс толкаем...

Тут дверь отворилась, и в кабинет бочком втерся огромный человек, широкоплечий и баскетбольного роста, с грубым лицом, помеченным шрамами.

Я обмер, сразу узнав в нем водителя «дублерки», с которой как-то пересекался у базара. Ощущение было как у зайца, повстречавшего охотника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.